

МЫ–С КАМАЗА!
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Гул машин, дома, устремленные в поднебесье... Такого еще не видел на своем веку Петр Гаврилович Гаврилов. Не зря монтажник Саша Гаврилов посадил деда в самолет и привез из тихой марийской деревни в Набережные Челны посмотреть на чудо рождения КамАЗа!

ГЛАВНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2357)

2 СЕНТЯБРЯ 1972

Я УЛИЦА

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

В каждом городе, как бы он велик или мал ни был, есть своя главная улица: в Ленинграде — Невский, в Минске — проспект Ленина, в Киеве — Крещатик... В Набережных Челнах — пока улица Гидростроителей. «Пока», потому что у архитекторов на сей счет свои планы...

Она невелика, всего несколько кварталов, устремленных к Каме. Сравнительно невысока: дома пятиэтажные, с широкими витринами кафе, магазинов, столовых. Средняя школа, гостиницы. Та, что возле кинотеатра «Чулпан», еще строится, будет башней. На углу — новенькое стеклянно-панельное сооружение — местный главпочтамт. Вот и все. Словом, улица как улица, и ничем бы не была примечательна. Но в какую

Продолжение см. на стр. 18—21.

Мюнхен. Открытие XX Олимпийских игр. На стадион входит советская команда. Флаг СССР несет борец А. Медведь.

Анатолий СОФРОНОВ,
Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька»

РЕПОРТАЖ С XX ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

«Когда пишутся эти строки...» Какие удобные слова для того, кто пишет, и для тех, кто читает... И словно заранее отгораживаешься от упреков в том, что ты не успеваешь за всеми событиями, происходящими на Олимпийском стадионе и других спортивных сооружениях, где начался калейдоскопический двухнедельный спортивный марафон.

Когда пишутся эти строки, в первые два дня после торжественного открытия XX Олимпийских игр, спортсмены более чем ста двадцати стран нашей планеты уже начали свой трудный путь, путь радости и огорчений, путь неимоверного напряжения и максимальной грации.

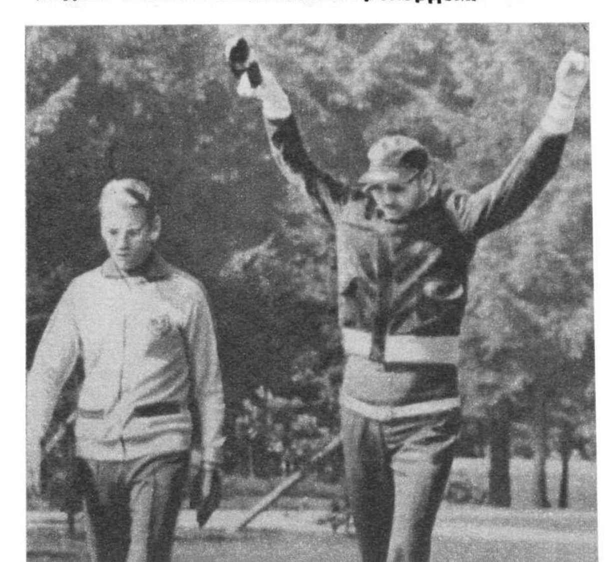
Путь... Да мало ли можно найти определений для того, чтобы передать психологическое и физическое состояние тех, кто пробился в Мюнхен, что называется, с суровыми боями! Определений много, но все они бледнеют перед тем состоянием, которое испытывает каждый участник Игр и его команда и, конечно же, миллионы зрителей, кото-

КОГДА ПИШУТСЯ

Золотые медали получены! Советские гимнастки завоевали омандное первенство. Слева направо: Полина Астахова — тре-ер, Эльвира Саади, Любовь Бурда, Тамара Лазакович, Людмила урищева, Антонина Кошель и Ольга Корбут.

Первый чемпион XX Олимпийских игр. Швед Рагнар Сканакер в стрельбе из произвольного пистолета выбил 567 очков и выиграл золотую медаль с новым олимпийским рекордом.

рые все эти 14 дней непрестанно будут думать о том часе, когда они могут остаться наедине или коллективно с экраном телевизора или чутко станут слушать, что передают их невидимые друзья по радио из Мюнхена.

Вот так мы добрались до Мюнхена. Долгий путь. Я вспоминаю холодный, дождливый день 1952 года в Хельсинки, когда впервые оказался в журналистской ложе Олимпийского стадиона в столице Финляндии. Может ли расти не только по рекордам, но и зрительно спорт, его наиболее красочное, концентрированное выражение, какими являются Олимпийские игры? О, конечно! У меня перед глазами все события, включая открытия и закрытия Игр на стадионах Хельсинки, Мельбурна, Рима, Мехико. В Токио я не был, не случилось побывать мне в столице Японии на Олимпийских играх. Но все, что прошло, что, я бы сказал, прокатилось по планете этакой современной космической машиной, собранной из тончайших деталей и узлов, не исчезнет.

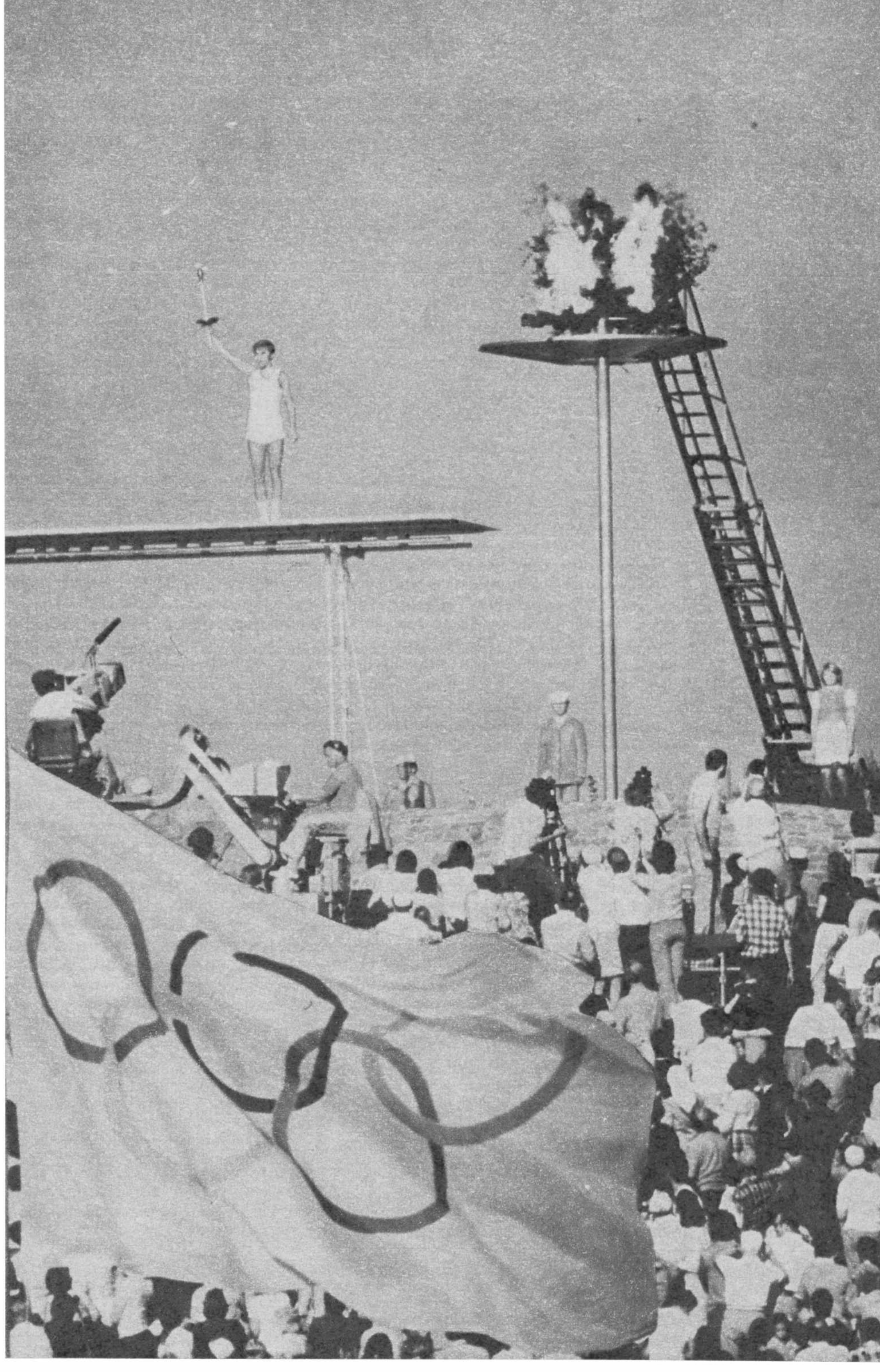
В самолете, направляясь в Мюнхен, мы встретились с замечательной грузинской спортсменкой Ниной Думбадзе. В Хельсинки, в 1952 году, она смущенно и вместе с тем гордо поднялась на трибуну почета, бросив дальше всех свой блеснувший, как солнце меж финских туч, диск. Теперь она зритель. Но траектория полета ее диска продолжается, увеличивая расстояние, словно опоясывая этим диском земной шар.

Я перелистываю сегодня программы соревнований по боксу, читаю фамилии наших и зарубежных боксеров. Впереди много боев. Как они сложатся? Даже самые сверхсовременные вычислительные машины не сумеют это предсказать. Но то, что было, разве кто вычеркнет из истории Олимпийских игр? Я до сих пор помню, как мы поздравляли Геннадия Шаткова в Мельбурне после финального боя. Его грудь, как земная твердь во время землетрясения, еще бурно вздымалась, но глаза уже лучились — нет, не гордостью, а пониманием выполненного с честью долга. А потрясенное небо Австралии от грома, который сопровождал победный финиш Владимира Куца? Это было давно? Да. Но и не так-то уж давно, если это живет не только в твоей памяти, но и в памяти всего мирового спорта.

Как же прекрасно все же выигрывать в спорте! Кто может это отрицать! Но выигрывать не так-то просто. Каждый из нас, сидя на стадионе или у телевизора, словно знает все, как лучший тренер, все видит, все предусматривает... Но, между прочим, выигрывать становится все труднее. Может быть, мы стали слабее за эти годы? Бывает, конечно, и так. Спорт — это прежде всего спортсмены, люди, в общем-то, обыкновенные люди, и случается так, что с уходом того или иного большого спортсмена как бы слабеет огонек победы. Вспомните Григория Федотова или Всеволода Боброва. Речь, конечно, в данном случае идет о футболе. Кто их сменил? Что-то мы пока не встречаем полноценной замены. К счастью, это не всюду. Был штангист Юрий Власов, затем Леонид Жаботинский, а теперь есть Василий Алексеев из города Шахты, Ростовской области. Даже страшно подумать, как потяжелела штанга! А предела все нет... Когда-то очень давно (а может быть, и недавно) мы, советские зрители, только издалека смотрели на нее, а теперь любители спорта из других стран так же издалека с вожделением смотрят на штангу, когда она находится в руках русского богатыря.

Все хотят выигрывать в спорте. Я не встречал еще людей, которые желали бы себе или своей команде проигрыша. А количество команд, как известно, все увеличивается. Когда-то американские легкоатлеты, выходя на беговые дорожки, оставляли спортсменов всего мира позади. В подавляющем большинстве побеждали американские негры. Но потом, начиная с Токио, а затем и в Мехико, победный гром на длинных финишах сопровождал африканцев из Кении, из Эфиопии... Марафонец Бикила дважды побеждал в марафоне босиком. Конечно, грустно его сейчас видеть в Мюнхене на инвалидной коляске, раздающего под охраной полицейских баварцам автографы. Ноги у Бикилы уже не только не бегают, но и не ходят. Паралич.

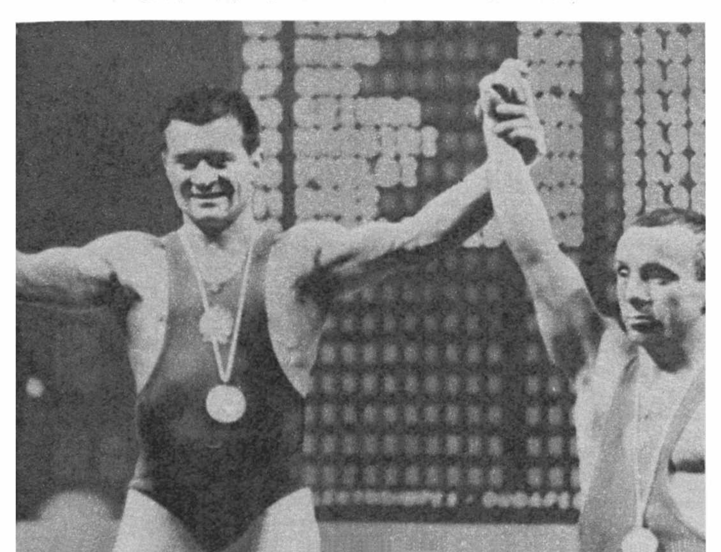
Накануне открытия XX Олимпийских игр телевидение ФРГ демонстрировало большой документальный фильм, рассказывающий о бомбардировках авиацией Соединенных Штатов Америки вьетнамских деревень

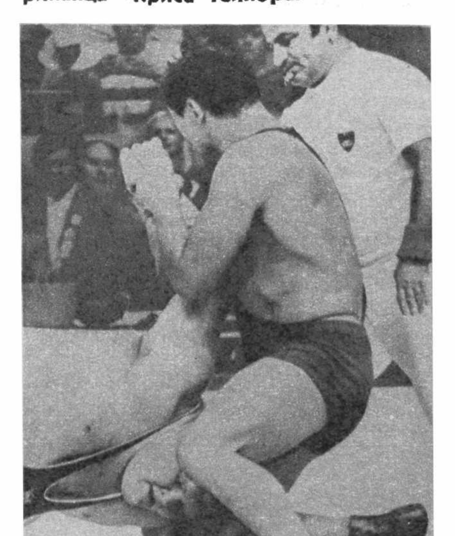
Вспыхнул Олимпийский огонь.

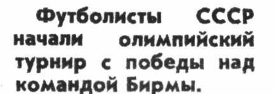
ЭТИ СТРОКИ...

На пьедестале почета призеры XX Олимпиады, штангисты легчайшего веса. Слева направо: Мохамед Нассири (Иран), Имре Фельди (Венгрия) и Геннадий Четин (СССР).

В первый день двукратный олимпийский чемпион Александр Медведь победил двухсоткилограммового американца Криса Тейлора.

(Телефото ТАСС).

Футболисты СССР начали олимпийский турнир с победы над командой Бирмы.

и городов. Это, конечно, делает честь телевидению ФРГ, а то, что мы видели здесь, в Мюнхене, такой фильм, было тоже своеобразным символом понимания западными немцами того, что пути агрессии для них на планете отрезаны.

Правда, здесь же, в день открытия Игр, на том же экране мы имели возможность лицезреть фильм, посвященный Олимпийским играм, проходившим в Берлине в 1936 году, и видеть, кроме спортсменов, и самого Гитлера, несмотря на гневный текст в адрес фюрера. Это, конечно, могло быть где-нибудь в другом месте, в другой точке земного шара, и это можно было бы понять как скорбное воспоминание об истории третьего рейха... Но в Мюнхене?.. В ряде событий, которые несколько омрачили в общем-то спокойную трудовую атмосферу перед открытием Игр, этот эпизод, может быть, и частный, но напрасный...

В проспектах «ДЦТ» (центральной туристской фирмы ФРГ), розданных на русском языке нашим журналистам, мы читаем:

«Вы прибыли в Германию главным образом для того, чтобы присутствовать при событиях мирового значения — XX Олимпийских играх, чтобы сообщать о крупных спортивных достижениях, которых мы вам в этих Играх желаем. Желаем вам побольше успехов для спортсменов вашей страны, о которых вы могли бы телеграфировать к себе на родину, редакции вашей газеты или радиостанции». Вот бы нам и хотелось сообщать на Родину о явлениях спорта новой эры, как об этом пишут реалистически мыслящие журналисты.

В этом же проспекте есть и такие слова: «Приезжают к нам гости по разным побуждениям: одни руководствуются деловыми интересами, другие хотят отдохнуть, третьи стремятся к знакомству с нашим искусством, иные рассчитывают на интересные знакомства и путевые впечатления. Недаром Федеративная Республика Германии от Огненной Земли до Шпицбергена слывет самой красочной иллюстрацией к самому понятию романтизма». Туристская фирма почти точно классифицировала побуждения, с какими приезжают гости в ФРГ, не учтя, правда (что совершенно естественно для туристской фирмы), побуждения низменного идеологического характера, которые, к сожалению, проявляют здесь, в Мюнхене, некоторые очень далекие от понятия романтизма специалисты антисоветизма и антагонизма, а проще говоря, платные агенты ЦРУ и всяких империалистических разведок, пытающиеся нагреть руки на таком чистом и благородном деле, какими являются Олимпийские игры.

Я третий раз нахожусь в ФРГ и с каждым разом встречаю все больше людей, которые понимают, что путь немецкого народа — это путь мира и дружбы с народами всего мира и, конечно же, с народами Советского Союза и других социалистических стран. Об этом думается на стадионе во время торжественного открытия Олимпийских игр. Ведь дело не только в голубях, выпущенных после подъема олимпийского флага. Голуби, как извечные символы мира, выпущенные служителями, тучей взмыли к небу и расселись в солнечном небе Мюнхена. А на стадионе, кроме спортсменов и зрителей, вокруг спортивной площадки, в голубых и желтых одеждах, с зелеными букетами и гирляндами сидели немецкие школьники и школьницы, пришедшие сюда, чтобы продемонстрировать желание мира и процветание страны, в свое время принесшей бесчисленное количество горя всему человечеству и, конечно же, своему народу.

Несложное выступление школьников вызвало бурю оваций со стороны зрителей. Я видел вокруг себя немцев, у которых в глазах блестели слезы. Думается, что это была не пресловутая немецкая сентиментальность, а действительно понимание значения новой эры, когда все меньше будет возможностей для тех, кто спит и видит пустить не только немецких детей, но и с ними вместе и миллионы детей других народов в кровавую мясорубку войны.

Может быть, если бы все это происходило не в Мюнхене, обо всем этом не думалось бы с такой остротой. Но мы сидели на скамьях Мюнхенского стадиона — прекрасного, предельно выражающего своей конструкцией наш космический двадцатый век, видели не только зрителей на стадионе, но и на окраинных зеленых холмах, густо усеявших их склоны, и казалось, что солнечные лучи катят весенние потоки, уносящие грязь с далеких десятилетий.

Как же можно было в этот вечер после того, как над стадионом ярко запылал доставленный бегунами пяти континентов Олимпийский огонь, оставаться в корпусах, где разместились журналисты? Мы отправились в город, в район прилегающих к вокзалу улиц и площадей. Мюнхен, в общем, хорошо встретил гостей, ненавязчиво, но очень гостеприимно. В витринах магазинов выстроились игрушки с пятью кольцами, посуда, сигареты, спички, пепельницы и прочий ассортимент не слишком дорогих сувениров, до больших плакатов, изображающих моменты спортивных состязаний,— все говорило о том, что и город и его жители сердечны и гостеприимны.

Жительницы Мюнхена надели свои яркие национальные платья, а на улицах мы встречали обязательные атрибуты Мюнхена — повозки, запряженные четырьмя мощными битюгами, с пивными бочками, на которых были написаны приветственные слова спортсменам всего мира.

После того, как на стадионе произошла увлекательнейшая по своей красоте сцена передачи олимпийского знамени Мюнхену, баварцы стали полноправными хозяевами XX Олимпийских игр. Когда пишутся эти строки, на Олимпийском стадионе и на других спортивных площадках началась увлекательная борьба спортсменов всех пяти континентов. Нам предстоит быть свидетелями больших драматических событий.

Для советских спортсменов это шестые летние Олимпийские игры. Конечно же, мы, как всегда, желаем нашим спортсменам самых больших успехов, чтобы мы могли чаще повторять для наших читателей, для всего многомиллионного племени болельщиков слова: «Когда пишутся эти строки, на стадионе, ринге, спортивной площадке, футбольном поле, а точнее, на всех полях олимпийских сражений вручаются золотые, серебряные, бронзовые медали нашему... или нашей...»

Мюнхен,
по телефону.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ВДНХ

ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС рассмотрели вопрос о повышении роли Выставки достижений народного хозяйства СССР в пропаганде достижений науки и передового опыта и во внедрении их в сельскохозяйственное производство.

Придавая важное значение повышению роли ВДНХ СССР в мобилизации тружеников села на успешное выполнение решений XXIV съезда партии, Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов обязали Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Главный комитет Выставки достижений народного хозяйства, министерства и ведомства сельского, водного и лесного хозяйства, машиностроения, химической промышленности, сельского строительства, ЦК профсоюзов улучшить работу ВДНХ СССР по пропаганде и широкому внедрению в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта, положив в основу всестороннее освещение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, методов и средств, обеспечивающих достижение высоких результатов в работе колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, а также промышленных предприятий, строительных организаций, выполняющих заказы села.

ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, Советам Министров союзных и автономных республик, крайисполкомам и облисполкомам, ЦК ВЛКСМ, министерствам и ведомствам, ЦК профсоюзов предложено развернуть массовое соревнование колхозов, совхозов, других предприятий и организаций, всех работников сельского хозяйства за право участия в ВДНХ СССР, обеспечить широкое внедрение в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта, демонстрируемых на выставке.

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС выразили твердую уверенность в том, что повышение действенности соревнования работников сельского хозяйства за право участия в Выставке достижений народного хозяйства СССР и улучшение ее работы будут способствовать ускорению научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, выполнению плана девятой пятилетки по производству и заготовкам сельскохозяйственной продукции.

* * *

Репортаж о сегодняшнем дне Выставки достижений народного хозяйства читайте на стр. 16—17.

СРЕДИ НАС АНДЖЕЛА ДЭВИС

С чувством глубокой дружбы и солидарности следили советские люди за борьбой американской коммунистки Анджелы Дэвис. Она бросила вызов реакции, насилию, социальной и расовой дискриминации в Соединенных Штатах. Гонение, преследование, позорное судилище и торжество правды. Дэвис на свободе! И не случайно, что она сейчас прибыла в нашу страну, чтобы выразить благодарность братскому народу, единомышленнику. «Я ждала, — сказала 28 августа на Шереметьевском аэродроме Анджела Дэвис, — этой возможности долгое время».

На следующий день ее горячо приветствовали в здании Советского комитета защиты мира представители общественности Москвы. «Кампания за твое освобождение, — сказала на этой встрече председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова, — в нашей стране стала поистине всенародной». Взволнованную речь произнес на встрече председатель Советского комитета защиты мира поэт Николай Тихонов.

Впереди поездки по нашей стране, встречи с друзьями, с теми, кто был с Анджелой в самые тяжелые для нее минуты.

Анджела Дэвис на встрече в Советском комитете защиты мира.
Фото А. Награльяна.

КОМИССИИ РЕКОМЕНДУЮТ

В Большом Кремлевском дворце состоялось совместное заседание комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Члены комиссий обсуждали Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны, подписанный в Москве 26 мая 1972 года.

На заседании выступили: председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов; генерал армии, первый заместитель министра обороны, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР В. Г. Куликов; секретарь ЦК Коммунистической партии Казахстана С. Н. Имашев; первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов; генерал-полковник авиации, председатель ЦК ДОСААФ СССР А. И. Покрышкин; главный редактор газеты «Известия» Л. Н. Толкунов; политический обозреватель газеты «Правда» Г. А. Жуков; машинист шагающего экскаватора В. И. Дубинин. Они выразили единодушную поддержку ратификации Договора. Комиссии по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР рекомендовали Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать Договор.

На снимке: совместное заседание комиссий. Выступает председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Фото А. Стешанова.

ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЗВОНКОМ

Когда вы будете читать эти строки, во всех школах страны уже прозвучит заливистый, требовательный звонок и начнется новый учебный год. Такой же, как всегда. Впрочем, нет Не совсем такой. Мы убедились в этом, побывав за три дня до начала уроков в средней школе № 218 Тимирязевского района столицы.

Здесь все было готово к занятиям. Школа сияла чистотой, свежей краской стен, зеркально-ясным паркетом. На втором этаже, отданном в распоряжение младших ребятишек, чинно выстроились новехонькие парты, покрытые светло-голубым пластиком. Красивые и удобные, даже крючки для портфелей тут имеются. А всю переднюю стену занимает классная доска.

В учительской уже собрался коллектив педагогов. Мы побеседовали с учителями. Спросили: каковы приметы наступающего учебного года? Директор Нина Федоровна Абугова сказала:

— Труд учителя радостен, но и нелегок. И потому нам особенно приятно, что партия и правительство, высоко оценивая работу педагога, приняли постановление о повышении ставок и должностных окладов учителей, врачей и воспитателей детских дошкольных учреждений.

— На сколько же повышаются ставки учителей? — интересуемся мы.

— Намного,— объясняет директор.— В среднем почти на двадцать один процент, причем наибольшую прибавку получают те педагоги, которые имеют высшее образование и работают в школе от пятнадцати до двадцати пяти лет...

Год 1972-й принес в советскую школу немало примечательного. Шестые классы, например, будут заниматься математикой, русским языком и литературой по усовершенствованным программам. Их отличает высокий теоретический уровень, они рассчитаны прежде всего на активизацию мыслительной деятельности учащихся. В программе по русскому языку, в частности, большое внимание уделяется изучению слова во всех его аспектах — смысловом, стилистическом, грамматическом. И еще развитию речи ребенка, умению излагать свои мысли и устно и письменно. А в десятых классах существенно изменена программа по физике... В школу приходят и последние достижения науки, и новые учебники, и новое оборудование, оснащение техническими средствами.

— Приборы, оборудование — все это, конечно, сильно помогает учителю,— вступает в беседу Анна Васильевна Хорохорина, завуч,— и все-таки они не могут заменить и никогда не заменят самого учителя. Именно он остается в школе главной фигурой. Нужно сказать, что педагогу очень интересно работать по новым программам. Это требует от него большой отдачи и постоянного самоусовершенствования...

Вот видите, каким радостным уже стал для нас новый учебный год. Конечно, мы, учителя, всегда получаем от своей работы самое высокое моральное удовлетворение. А забота партии и правительства еще более окрыляет нас...

Н. ВЕРИНА

За три дня до 1 сентября... В учительской средней школы № 218 Тимирязевского района Москвы.

Фото М. Савина.

САМОЕ БОЛЬШОЕ БОГАТСТВО

Мы идем прохладной аллеей бакинского бульвара. Легкий ветерок доносит терпкий запах моря. Нашу неторопливую беседу то и дело нарушают приветствия в адрес моего собеседника: «Добрый день, доктор! Салам мелекен!», «Здравствуйте!» — и каждое сопровождается улыбкой или поклоном.

Собеседник мой — заведующий отделением челюстно-лицевой хирургии детской объединенной клинической больницы Микаил Мамедов. Биография хирурга началась почти четверть века назад. Полюбив со студенческих лет профессию врача, он на всю жизнь остался верен клятве Гиппократа. Самым счастливым для Мамедова стал тот незабываемый день, когда он со скальпелем в руках вошел в операционную и после неравного двухчасового поединка со смертью понял, что нужен людям.

Десять тысяч операций в больницах городов и райцентров Нагорного Карабаха, в Баку не просто арифметическая сумма. Это бессонные ночи, волнение, возвращенные улыбки и неизбежные огорчения в редкие минуты, когда ты бессилен помочь пациенту.

Последние семь лет М. Мамедов отдал челюстно-лицевой хирургии, стремясь помочь детям навсегда избавиться от врожденных пороков. Движимый девизом «В человеке все должно быть прекрасно», он своим ювелирным искусством возвращает детям первозданную красоту.

— Самое большое богатство нашей страны,— говорит хирург Микаил Мамедов,— здоровье советских людей. Коммунистическая партия, Советское правительство проявляют постоянную заботу о приумножении этого сокровища. Повышение заработной платы врачам — еще одно яркое тому свидетельство. Дело, конечно, не в новых окладах — кроме материальной стороны, тут есть и моральная, которую ничем не измерить. Вот почему все мы испытываем новый прилив сил и желание работать еще лучше, повышать профессиональное мастерство...

Человек рожден для счастья. А счастье и здоровье должны идти рядом. Ради этого хирург Микаил Мамедов каждое утро торопится в больницу, чтобы сполна отдать людям все свои знания, опыт, все тепло своего сердца.

Г. ПОГОСОВ

МОЕ СЛОВО СВИДЕТЕЛЯ

Девочка спряталась в укрытие. Этот снимок сделан в городе Винь. Во время налета американских самолетов на каждого жителя этого города приходилось по 13 бомб.

2 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 27 ЛЕТ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ. ЭТУ ДАТУ СТРАНА ОТМЕЧАЕТ В УСЛОВИЯХ, КОГДА ЕЕ ГОРОДА И СЕЛА ПОДВЕРГАЮТСЯ ВАРВАРСКИМ НАЛЕТАМ АМЕРИКАНСКОЙ АВИАЦИИ. САМОЛЕТЫ США БОМБЯТ МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ, РАЗРУШАЮТ ПЛОТИНЫ И ДАМБЫ. ПРОГРЕССИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ГНЕВНО ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ. ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ С МУЖЕСТВЕННЫМ ВЬЕТНАМОМ ОХВАТИЛО МНОГИЕ СТРАНЫ. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОШЕЛ МЕСЯЧНИК СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ ДРУЖБЫ И СОЛИДАРНОСТИ С БОРЬБОЙ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА ПРОТИВ АГРЕССИИ США. ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ МИРА ОБЪЯВИЛ 28 АВГУСТА ДНЕМ ПРОТЕСТА ПРОТИВ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВОЕНЩИНЫ США.

ИЗВЕСТНАЯ БОЛГАРСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА БЛАГА ДИМИТРОВА НЕДАВНО БЫЛА СВИДЕТЕЛЬНИЦЕЙ ЗЛОДЕЯНИЙ АГРЕССОРОВ НА ВЬЕТНАМСКОЙ ЗЕМЛЕ. МЫ ПУБЛИКУЕМ ОТРЫВКИ ИЗ ЕЕ КНИГИ «ПОДЗЕМНОЕ НЕБО», НАПИСАННОЙ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ В ДРВ.

Блага **ДИМИТРОВА**

Эта книга родилась внезапно, вопреки всем моим планам и привычкам, в полупустой гостинице живущего под бомбежками Ханоя, когда радио каждые пять минут предупреждало о приближении новых и новых стай американских тяжелых бомбардировщиков В-52.

Раскаленное дыхание времени заставляло меня писать, торопиться, как никогда, чтобы успеть сказать свое слово свидетеля...

В октябре 1967 года, в дни, когда Север сотрясался от тяжелых бомб, когда прямое попадание покалечило мост над Красной рекой и само небо нависало смертельной угрозой, я увезла в Софию шестилетнюю вьетнамскую девочку Ха.

Прошло пять быстрых лет. В феврале этого года мы погасили одиннадцать свечей на торте с надписью «С днем рождения, Ха!» и заговорили как равные:

— Ты уже большая! — сказала я.

— Большая? — отозвалась Ха, как будто давно ожидала услышать это признание.— Тогда почему ты не выполняешь свое обещание?..

Я дала слово, когда Ха подрастет, повезти ее во Вьетнам. И вот этот день наступил.

16 АПРЕЛЯ 1972. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ХАНОЙ.

...В 9 утра вой сирен. Только что в гостинице начали беседовать с поэтами Хюи Коном и Куан Шонгом. Только что они в шутливом тоне начали перечислять, что они написали, что они пережили,— и вой сирен возвращает нас с облаков на землю, чтобы отвести нас в подземелье, в бомбоубежище. Я думаю о женщинах на тонких каблучках, которых видела сегодня в городе: успели ли добежать до ближайшего убежища на улице, прыгнуть в глубокую яму, полную воды от вчерашнего тро-

В одном из ракетных подразделений вьетнамской Народной армии.

пического ливня, или бросились домой, чтобы дети не оставались одни под бомбами?

Спускаюсь по лесенке вниз в убежище, построенное с учетом последних видов американских бомб,— коридорчики, путаница маленьких келий. Современный лабиринт. Еще не спустились до дна, как нас настиг грохот. Седоволосая женщина держит за руки двоих детей, что-то им говорит, отвлекает их спокойным разговором. Если бы не была в ответе за своих маленьких внуков, она бы, наверно, не скрывала испуга. Ради них она должна быть спокойна.

После отбоя меня ведут по свежим, еще дымящимся следам преступления. «Скорая помощь» мчится по улицам, машины с красным крестом, носилки, сосредоточенные лица санитарок. А город снова включается в тихое движение велосипедных колес. Небо невыносимо синее, словно тень угрозы не пересекала его. Как быстро забывает небо! А земля истерзана ранами...

Вечером Лу Куи Кий, председатель союза вьетнамских журналистов, перегруженный работой, связанной с сегодняшними событиями, невыспавшийся, находит время прочитать мне двухчасовую лекцию о положении в Южном Вьетнаме.

Лу Куи Кий говорит: «Сегодняшние бомбардировки Хайфона и Ханоя доказывают, что наступление патриотов на Юге настолько сильно, насколько свирепудар по Северу!»

Мне кажется, что я поняла в этот первый день в Ханое главное. Почему именно эта страна с таким природным уютом, с такими нежными красками обречена на самые жестокие удары? Потому что народ ее не идет ни на какие компромиссы. Так и с судьбой отдельного человека. Кто несгибаем, не идет на компромиссы, тот принимает на себя самые тяжелые удары. Когда встречаешь такого человека, а тем более целый народ, чувствуешь себя гордым за него, даже в такой день, как этот, содрогающийся с утра до вечера от взрывов бомб, ракет и тревожных известий о новых страданиях и гибели. Во всем мире человеческая совесть на стороне истерзанного Вьетнама, и все множится число людей, которые поддерживают его правое дело.

17 АПРЕЛЯ 1972. ПОНЕДЕЛЬНИК. ХАНОЙ.

Второй день в Ханое.

Только сегодня можно охватить злодеяние в полном его объеме. Погибли главным образом дети и старики. Пожилая служащая болгарского посольства Ань — тихая, прилежная, как пчелка, вьетнамка — сегодня пришла на работу какая-то осунувшаяся. Не поднимает глаз. Ее шестнадцатилетний сын, только что готовившийся к последним школьным экзаменам, тяжело ранен ракетой воздух — земля. До сих пор он без сознания. Сделана тяжелая операция, вынуты осколки из живота и легких. Жизнь его держится на волоске. Ань не согласилась с настойчивым предложением не приходить на работу, остаться в больнице с сыном. Она выполняет свои обязанности с фанатичной преданностью. Может быть, это ее и поддерживает. Двое ее старших сыновей на Юге, на фронте. Давно нет от них вестей. «Это война!» — говорит Ань, собравшая горький мед тысячелетней борьбы. Ее соседка, оказывается, до сих пор ищет своего ребенка. Исчез во время бомбежки. Не возвращается. Не откликается на крик матери. Соседи нигде его не видели. Уже нет надежды обнять его — теплого, живого, озорного. «Это война!» Тихая Ань даже не говорит: «Война американских агрессоров»,— это подразумевается. И гнев тоже.

В восемь часов утра иду на пресс-конференцию, на которую приведут американских летчиков, плененных вчера.

Кинокамеры и фотоаппараты нацеливаются на открытую дверь, откуда войдет незваный гость, упавший с неба.

Медленно входит, опустив голову, великан. Темноволосый, откормленный. Одежда свободная, почти как у человека, отбывшего на отдых. Вьетнамцы рядом с ним выглядят юношески маленькими. Смотрит вниз. Точно так он смотрел вниз через люк, когда выискивал крышу, чтобы обрушить на нее свой бомбовый груз.

Летчик прячет глаза. Щелкают блицы фотоаппаратов.

Хочу запомнить это лицо. Вчера, сжавшись в лабиринтах бомбоубежища, вслушиваясь в гудение бомбардировщиков, я не допускала, что за тем грохотом и реактивным ревом стоит лицо человека. Вот оно. Может быть, и он не мог допустить, что внизу, под красными крышами города, бесчисленные человеческие лица? И вслепую среди тысяч выбрал молодое лицо сына тихой Ань. А мог с тем же правом слепой наглости выбрать мою девочку...

...Решила обойти магазины, а увидела еще одно чудо Вьетнама. Большой универсальный магазин в центре города, прохладный в жару, тихий и просторный. По сравнению с прошлыми годами на прилавках пестреет куда больше товаров. Ожидала увидеть толпу, лихорадочные закупки про запас. Хозяйки долго выбирают, расспрашивают продавщиц, не торопятся покупать, возвращаются домой поразмыслить, посоветоваться, обойти завтра и другие магазины. Как в самый обычный день в мирных городах...

21 АПРЕЛЯ 1972. ПЯТНИЦА. ХАЙФОН.

...В конце концов я получила возможность побывать в Хайфоне.

— Это очень опасно! — кричит мать моей Ха.

Ха переводит слова матери, но это не нужно. Все читается в ее взгляде...

Вьетнам одарил меня странными родственными связями. Озабоченными глазами провожает меня мать моего ребенка, а встречает пустыми глазницами окон ее родной город Хайфон...

Рано утром двинулись на машине, одетой в зеленую броню камуфляжа. По дороге догоняем грузовики, наполненные домашним скарбом. Люди эвакуируются. Главный транспорт — велосипед.

Никогда не сотрется из памяти эта картина: мать посадила детишек на заднее сиденье, спереди придерживает грудного младенца, а на спине — сумка с самым необходимым. Едет на велосипеде по изрытой дороге и находит в себе силы улыбнуться незнакомой иностранке.

Без слов понимаю: мы перед Хайфоном. Вот таким хотят видеть завтра весь мир дельцы от войны. Массированные бомбардировки воздушными крепостями В-52. Огромная площадь у бензосклада превращена... во что? Нет такого сравнения. Пустыня выглядит приветливее. Перед моими глазами лежит перепаханная пустота. Кое-где еще дымит, выбивается пламя. Ветер несет какой-то сухой запах гари, раскаленного шлака.

Машина медленно въезжает в город, будто пострадавший от землетрясения. Целые жилые районы, когда-то густо заселенные, превращены в груды развалин. Везде таблички: «Бомба замедленного действия». В городе еще слышны запоздалые взрывы. Здесь был школьный район. Идем мимо остатков трех больших школ. Дальше — общежития рабочих. Они тоже превращены в пепелище. Среди них не видно их бывших обитателей, ищущих обломки своего имущества, потому что везде еще не взорвавшиеся бомбы. Рыбоконсервный завод сровнен с землей. Ищу улицу Дьен Бьен Фу. Даже нет здания, на котором бы оставалась надпись. Может быть, это и есть та улица, о которой я так много слышала от маленькой вьетнамской девочки? Ищу номер 57, ищу садик с цветами, которые когда-то девочка поливала. Кое-где торчат стены, вывернутые с корнем деревья. Вместо цветов искореженный корпус снаряда, вонзившегося в землю. Под руинами, наверно, лежат засыпанными все те соседские ребята, о которых рассказывала девочка, с которыми играла в прятки в тени банановой рощицы, бегала по коридорам дома.

Мне показывают новые типы бомб: шрапнельные, с гранеными пулями; бомба-перфоратор, сверлящая бетон и вонзающаяся глубоко в землю, чтобы взорваться именно в бомбоубежище, где прячутся люди. И самое отвратительное новое изобретение: веерообразная бомба, снабженная термическим зарядом, развивающим температуру 1 500—2 000 градусов. В контейнере спрятано 247 отдельных веерообразных бомб, каждая из которых обладает зажигательным и разрушительным действием. От пострадавших не остается ничего, кроме угольно-черного пепла. Новый фашистский крематорий.

Над городом было сброшено 2 900 бомб разного вида. Огромное количество снарядов обрушил на город седьмой американский флот.

25 АПРЕЛЯ 1972. ВТОРНИК. ТАМ ДЕУ.

...Едем на легковой машине, как всегда, замаскированной зеленью. Шоссе тянется вдоль дамбы. Все живое от мала до велика работает в поле: тащат на тяжелых коромыслах корзины с землей, копают землю и пересыпают ее на верблюжий горб дамбы. А в это время чья-то рука наносит на карту длинную изогнутую линию рядом с синей лентой реки, отмечает черным знаком места дамбы, куда должны быть нацелены самые тяжелые бомбы, чтобы воды Красной реки затопили зеленую улыбку полей, смыли бамбуковые хижины вместе с детьми и стариками.

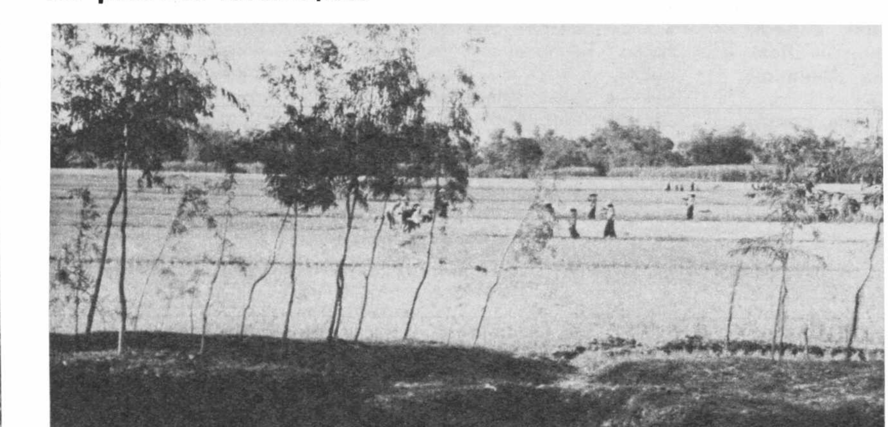
День и ночь меня преследует одно видение: короткие, жирные, грубые пальцы — не пальцы артиста и художника, а торгаша и убийцы — тянутся к кнопке, касаются ее, нажимают... А вокруг тонкие, словно тростниковые, человеческие фигурки все так же снуют с тяжелыми коромыслами на плече. Если есть современная богиня правосудия, она должна взять вместо весов бамбуковое вьетнамское коромысло и в одну корзину положить эту землю, пропитанную кровью, слезами и потом, а на другую чашу-корзину — самую тяжелую бомбу, сброшенную с борта В-52.

Перетянет чаша с вьетнамской землей, вопиющей о справедливости.

Перевела с болгарского
З. АНТОНОВА.

Фото Д. УХТОМСКОГО, ВИА — ТАСС, ВИА — АПН.

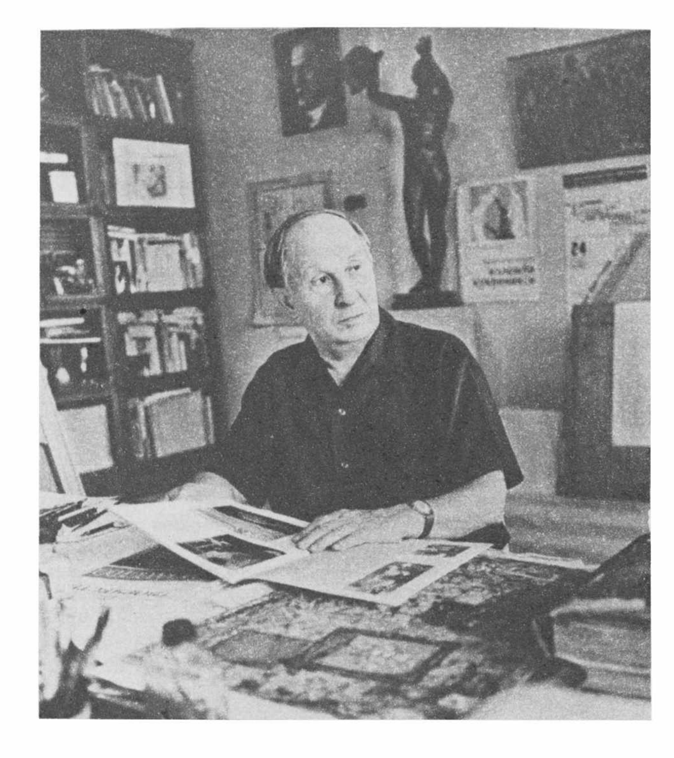
На рисовых плантациях.

Намдинь. Улица Хангтиен после налета.

ПОРФИРИЙ КРЫЛОВ /КРЫ/

Ник. КРУЖКОВ

Имя Кукрыниксов известно во всем мире. Их карикатуры разят, громят, уничтожают. Их сатирическая деятельность может быть сравнена с пристрелявшейся батареей скорострельных пушек, которая ведет меткий, неотвратимый огонь по противнику. Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов составили творческое содружество столь крепкое и нерушимое, что они в глазах своих бесчисленных почитателей и поклонников явили как бы одно целое, неотделимое друг от друга. Творческая дружба художников, продолжающаяся почти полвека, представляет собой поистине прочный сплав, над которым не властно время. Но эти свирепейшие карикатуристы остались вместе с тем нежными лириками с романтической душой, с любовью к людям, к гулкому лесу, к цветущему лугу, к цветам и травам. Пушки внезапно умолкают, и звучит музыка. Острый и ядовитый карандаш карикатуриста отбрасывается в сторону, и в руке художника мы видим кисть пейзажиста или портретиста.

Порфирий Никитич Крылов несколько обогнал своих друзей по возрасту — Михаила Куприянова и Николая Соколова: ему в августе этого года исполнилось семьдесят лет. Друзья нагонят его в будущем году, когда им тоже будет по семьдесят, а пока придется им несколько потерпеть: родиться одновременно всем трем не удалось.

— Юбилейная выставка у нас будет общая в 1973 году,— сказал, посмеиваясь, Крылов,— неудобно нам отделяться друг от друга. А я уж потерплю, в свою очередь. Чего не сделаешь для дружбы?!

Редко случается рубить на части спаявшееся имя Кукрыниксы, но в данном случае придется это сделать. Итак, Кры — Порфирий Никитич Крылов, академик.

Родился он в Туле, в большой, многодетной семье токаря тульского патронного завода Никиты Крылова. До сих пор Порфирий Никитич с нежностью вспоминает о родном городе времен своего детства. Была Тула неказистой, рабочему человеку в ту пору жилось нелегко, семью Никиты Крылова заедали всякие нехватки, но, как говорится, «и дым отечества нам сладок и приятен». Гудели торжественным гудом тульские старинные заводы, рабочего люда в городе было много — оружейники, металлисты, патронщики, самоварщики, гармонщики, пряничники — кого только не было в Туле?! Испокон веков славились туляки своим рабочим мастерством, острым глазом, точной, верной необманной рукой — недаром тульских кровей был знаменитый Левша, который подковал блоху, «диковинную нимфозорию» из аглицкой вороненой стали.

Лежали вокруг Тулы просторные русские земли — поля, луга, рощи, для мальчишек было тут широкое раздолье, все радовало глаз. Никита Крылов старался детям своим дать посильное образование: Порфирия отдал в высшее начальное училище, а окончил сын уже единую трудовую школу,— грянула революция, и в жизни рабочего народа появились неслыханные перемены.

Потом слесарил Порфирий Крылов на патронном, обнаружил в себе влечение рисовать, хотелось все запечатлеть, что виделось вокруг, стал часто захаживать в заводской клуб, подружился с декоратором Петром Васильевичем Беляковым и вскоре стал его помощником. Так произошло приобщение Порфирия Крылова к искусству. Руки у него оказались, как говорили, золотые, старание у него было большое, и декораторское дело он постиг в совершенстве. Ну, а тот, кто вкусил плод творческого труда, узнал влекущий запах краски, понял прелесть перевоплощения предмета простого в сложное, яркое, ранее неведомое, тот не уйдет с избранного им или случайно найденного пути. Молодой рабочий парень понял и другое, не менее важное: надо учиться каждодневно и постоянно. В 1919 году Порфирий Крылов организовал при клубе изостудию. Художник Григорий Михайлович Шегаль стал преподавать ребятам основы живописного искусства, и об этом первом своем педагоге Порфирий Крылов рассказывает с особой признательностью. Видимо, зерна сеялись добротные и дали хорошие всходы: изостудия эта существует до сих пор, называется теперь торжественно — **народная** и пользуется всеобщим уважением.

А судьба Порфирия Крылова сложилась так: вызвали его в 1921 году в профсоюз металлистов и сказали:

— Вот что, Порфирий. Малый ты способный, это мы видим и другие подтверждают. Поезжай-ка учиться в Москву, вот тебе путевка, иди во ВХУТЕМАС, там тебя обучат всему, что потребно для художника. И нам будет приятно, что наш туляк, рабочий человек, достигнет большого предела. Нам это лестно.

Через несколько дней сел Порфирий Крылов в «теплушку» — дырявый товарный вагон, видавший виды, и, сопровождаемый добрыми пожеланиями родных и друзей, отбыл в столицу, добирался до нее чуть ли не сутки: поезда тогда ходили худо.

Тульское предисловие было окончено, начались московские страницы книги жизни Порфирия Крылова. И рабфак при ВХУТЕМАСе и институт выработали из тульского рабочего парня славного мастера, образованного человека, развили в нем художественный вкус, утвердили творческие навыки, научили понимать искусство. Шутка ли: сам Петр Петрович Кончаловский занимался с Порфирием Крыловым, ввел молодого человека в свою аспирантуру, радовался его успехам.

Здесь же, во ВХУТЕМАСе, состоялось знакомство с Михаилом Куприяновым и Николаем Соколовым, выросшее впоследствии в высокую и благородную творческую дружбу. Сперва соединились двое: Крылов и Куприянов. В стенной газете ВХУТЕМАСа «Красный Октябрь» они вели сатирический «Арап-отдел». Это была для молодых художников проба пера, начальная фаза работы сатириков. Подписывали они свои рисунки то Кукры, то Крыкуп. В 1923 году к ним присоединился Николай Соколов, и вот тогда родились Кукрыниксы, составилась троица «единосущная и нераздельная», по выражению Горького.

Они единосущны и как живописцы, у них общность понимания художественных задач, общность творческих интересов и влечений, но у каждого из них своя манера, свой стиль, свои неповторимые черты, и в этом смысле они раздельны. Рассуждая о живописных работах всех троих, Б. Иогансон выделяет у Порфирия Крылова мажорность его кисти, любовь к многоплановым, панорамным пространствам, соединенную с привязанностью к простому и непритязательному, умение в насыщенной, плотной живописи точно, воодушевленно передать колорит, игру света... «Пейзажи Крылова,— пишет Иогансон,— наполнены жизнерадостным удивлением перед русской природой».

Удивление действительно неотрывно от сути художественного процесса: если художник разучился удивляться, стал равнодушным, он как творец погибает. Равнодушная рука может воспроизвести натуру,

П. Крылов. ЛЕНА КАЛАЧЕВА.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Крылов. УТРО.

СИРЕНЬ.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

МОРЕ УГРОЖАЕТ

Г. ДЖАВАХИШВИЛИ,
Председатель Совета Министров
Грузинской ССР

Я с интересом прочитал в 25-м номере «Огонька» статью «Море угрожает». Приятно, что статья эта продиктована добрым желанием журнала принести посильную пользу общенародному важному делу.

Черноморское побережье, обладающее исключительно благоприятными климатическими и природными условиями, является крупнейшей здравницей нашей страны. Приходится с сожалением констатировать, что развитие курортов этого замечательного края встречает серьезные естественные преграды — широко распространенные оползневые процессы, разрушение берегов под воздействием моря, подводные каньоны, которые поглощают большое количество твердых выносов рек, впадающих в море, и т. д.

Разрушению берегов в немалой степени способствовали и не всегда продуманная, неорганизованная застройка прибрежной полосы, неудовлетворительная эксплуатация защитных сооружений, изъятие с пляжей и из русл рек песка и гравия для нужд строительства и, наконец, устройство портов и других гидротехнических сооружений без полного учета естественных процессов миграции наносов. Все это на протяжении многих лет приводило к нарушению баланса пляжеобразования и к активизации размыва берегов. Однако положение, конечно, не так уж катастрофично и тем более небезнадежно.

Правительство республики, естественно, не оставалось в стороне от проблемы укрепления Черноморского побережья. За последние годы был предпринят ряд серьезных эффективных мер в этом направлении. Полностью запрещено использование строительными организациями пляжевого материала как с береговой полосы, так и с русл рек, впадающих в море. Эта мера заметно улучшила состояние пляжей.

Чтобы предотвратить дальнейшие потери территорий и расположенных на них зданий, сооружений, на наиболее аварийных участках ведутся неотложные берегоукрепительные работы. Пляж — мощный естественный гаситель энергии штормовых волн. Поэтому принимаются меры для восстановления и расширения пляжевой полосы. Но этого мало. Задача надежной, стабильной защиты побережья не может быть окончательно решена без планомерной работы по искусственному укреплению прибрежной территории.

В 1969 году Кавказский государственный проектно-изыскательский институт «Кавгипротранс» составил генеральную схему укрепления берега Черного моря в пределах Грузинской ССР. О значении и сложности этой схемы можно судить хотя бы по тому, что в ее рассмотрении, помимо ряда компетентных организаций республики, участвовали секция по борьбе с оползнями научно-технического Совета и Главная государственная экспертиза Госстроя СССР, Комитет по земляному полотну научно-технических Советов Министерства путей сообщения СССР и Министерства транспортного строительства СССР. В октябре 1971 года совместное заседание с участием представителей партийных и советских органов Грузинской ССР рассмотрело и приняло замечания всех этих организаций. На основании этого решения схема была откорректирована. Ориентировочная стоимость запроектированных по генеральной схеме берегоукрепительных и противооползневых мероприятий составила 136,3 миллиона рублей.

В июле 1972 года Совет Министров Грузинской ССР утвердил составленную институтом «Кавгипротранс» генеральную схему и принял развернутое решение по берегоукрепительным работам в пределах республики, предусматривающее ряд технических, научных и организационных мер.

В статье Ии Месхи говорится о затянувшейся переписке с Госпланом СССР по поводу строительства карьера в Гантиади («Сухой балке»). Сейчас по нашей просьбе Совет Министров СССР поручил Госплану и Госстрою СССР рассмотреть вопрос о строительстве щебеночного завода и карьера «Сухая балка». Надеемся, что он будет разрешен положительно.

При Министерстве коммунального хозяйства Грузинской ССР давно уже существует Управление по надзору и эксплуатации берегоукрепительных сооружений. Справляется оно со своими функциями неплохо. Тем не менее мы отнеслись с серьезным вниманием к мнению профессора В. П. Зенковича о создании Управления по борьбе с разрушениями и охране берегов, подчиненного непосредственно Совету Министров Грузинской ССР. Госплану, Госстрою, Министерству мелиорации и водного хозяйства, Госкомитету по использованию и охране водных ресурсов и Министерству коммунального хозяйства Грузинской ССР поручено разработать и представить Совету Министров республики предложения о создании государственного органа по борьбе с разрушениями и охране берега Черного моря и борьбе с оползневыми явлениями. На этот же орган должны быть возложены функции контроля и координации научно-исследовательских, проектных, строительных и эксплуатационных работ в этой области.

но она бессильна раскрыть ее внутреннюю красоту, незримую для других. Порфирий Крылов, по собственному признанию, больше всего любит цветы. «Когда любуешься ими, хорошо становится на душе,— говорит он,— когда рисуешь, работается весело, и все вокруг светлеет». И в самом деле: художник показал картину, изображающую сирень в вазе, и темноватая комната, в которой мы беседовали, стала светлее, как будто солнце заглянуло в окно, показалось даже, что вокруг поплыл весенний запах сада, свежий и чистый. На белых гроздьях цветов повисли серебряные капли росы: цветы, послужившие натурой, видимо, были только что сорваны, и их свежесть, переданная кистью мастера, возникла как символ жизни.

После «Сирени» художник показал мне свою картину «Утро». Маленькая девочка в запущенном уголке сада рвет цветы. Ребенок сосредоточен и внимателен — цветов много, надо выбрать самые красивые. Солнечные лучи освещают сад, девочку, пробиваются сквозь зелень кустарника и деревьев, утренняя прохлада явственно ощущается в движении воздуха, все просто в картине, все естественно и вместе с тем значительно, ибо она утверждает радость бытия. Смотришь на картину, и хочется воскликнуть: «Как хороша жизнь!» В Третьяковской галерее есть портрет молодой женщины работы Порфирия Крылова, очень характерный и для творческой манеры художника и для его жизневосприятия... Светом, оптимизмом пронизана картина. Молодая женщина сидит в свободной, непринужденной позе где-то в саду или в роще. За спиной яркая весенняя зелень создает радостный, праздничный фон. Картина названа просто, в обычной манере автора — «Лена Калачева», но мысль, рождаемая этой картиной, выходит за рамки темы: красив человек, хороша земля, хороша жизнь!

Радость людям несет художник своим искусством.

— Посмотрим акварели,— говорит Порфирий Крылов,— я их никогда не выставлял, но этот вид живописи очень люблю, хоть он очень нелегок и требует от художника безошибочного письма.

Лист за листом ложатся на стол. Плывут сады, цветы, речные заводи, закаты, восходы, жанровые сцены — мастеровитая рука охватывает различные стороны бытия. И сквозь нежную акварель с особой отчетливостью ощущаешь тепло души художника, его непоколебимое жизнелюбие.

Десятки лет я знаю Порфирия Никитича Крылова, знаю еще с тех времен, когда никому в голову не приходило называть его по отчеству. И мне странно при мысли, что ему уже стукнуло семьдесят, и что он академик, и что у него взрослые сыновья. Я всматриваюсь в его лицо, и кажется, что вижу перед собой прежнего, очень молодого человека с привычным насмешливым прищуром глаз, и не могу уловить черт угрюмой старости.

Мы беседуем о разном, я вслушиваюсь в его голос, и кажется мне, что и голос прежний, нет в нем следов старческой надтреснутости.

— Сыновья мои Андрей и Анатолий тоже художники, топчут отцовские дорожки. Андрей работает в «Детгизе», в «Крокодиле», Анатолий преподает в Строгановском училище. Да что сыновья — внук Митя на будущий год кончает художественную школу. Возникла, выходит, династия художников Крыловых, вот до чего дело дошло!.. Ну, а сам я работаю, сколько хватает сил, чем и отбиваюсь от старости. Недавно сдали мы, Кукрыниксы, иллюстрации к лесковскому Левше. Я, как туляк, с особым удовольствием работал над ними. Люблю я свою Тулу, и тульские года мои всегда живут в памяти...

Нет, никак я не могу представить Порфирия Крылова в стариковской академической шапочке — старость, хоть и подобралась к нему, не согнула его, не изменила характера, не посеяла печальных морщин на лице. Туляки — народ крепкий.

Анатолий Елизаров (СССР)

Луки Маринеску (Румыния)

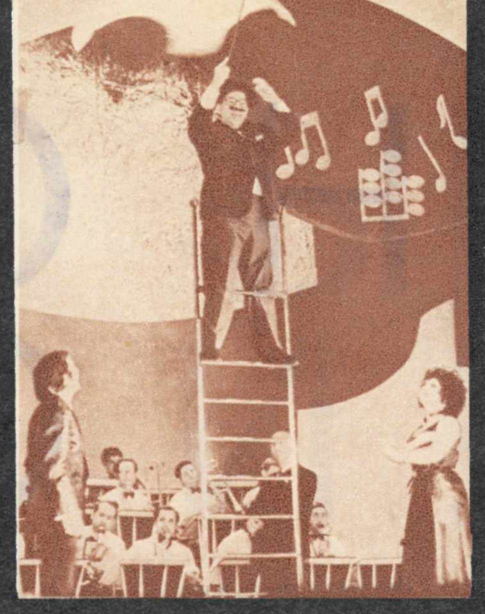
Нынешнее московское лето принесло почитателям эстрады немало радостей. Афиши, красочные объявления возвещали любителям музыки и песен о все новых и новых предстоящих встречах с советскими и зарубежными мастерами эстрадного жанра. Закончил, например, свои гастроли ансамбль «Ялла» из Узбекистана, а на смену ему приехал другой ансамбль: украинская «Червона рута»... Только-только попрощалась с советскими зрителями популярная югославская певица Радмила Караклаич, как появилось сообщение о приезде в Москву знаменитой Анны Герман из Польши...

Но, пожалуй, наибольший интерес зрителей вызвала международная программа «Московское лето-72».

Впервые здесь на одной сцене собрались артисты восьми социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии.

Н. АЛЕКСЕЕВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

КОГДА НА ЭС

Три Кратели (Венгрия)

Карел Галл (Чехословакия)

Лада Кос (Югославия)

«Скальды» (Польша)

Зигфрид Валенди (ГДР)

Петр Чернев (Болгария)

Вот что рассказал корреспондентам «Огонька» главный режиссер этой интересной программы Александр Павлович Конников.

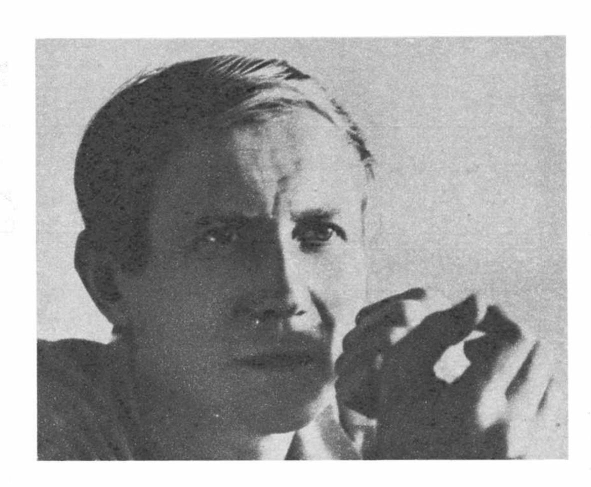
— «Московское лето» — это первый наш опыт в подготовке столь обширного контактами—творческими и сердечными — международного концерта дружбы... Каждый вечер в саду «Эрмитаж» становился похож на праздник!.. Праздник как для зрителей, так и для самих артистов.

Впрочем, надо признаться, что скомпоновать именно такую программу оказалось делом чрезвычайно трудным. Долго шла переписка, велись телефонные переговоры... Короче, совместные репетиции начались всего за пять дней до премьеры. А выручило нас то, что все артисты были мастерами своего дела и, конечно, интернационалистами... Атмосфера дружбы, взаимовыручки, царившая за кулисами, явилась залогом того, что подготовленная даже в столь короткий срок программа предстала живой, разнообразной, яркой...

Покоряют в концерте не только мелодии разных стран, музыка, танцы, но прежде всего настроение, которое исполнители сумели создать в зале. В выступлениях были и добрый юмор, и веселый смех, и мягкая лиричность.

ТРАДЕ ДРУЗЬЯ

Евг. ЕВТУШЕНКО

Н О С

«АПОЛЛО-16»
РЕПОРТАЖ

«Земные связи космонавта становятся наиболее ощутимо ценными для него, когда на протяжении многих суток полета в космосе, постоянно наблюдая Землю, он вдруг осознает ее малость...»

В. И. Севастьянов,
Герой Советского Союза

1

Лунный парень
так пробует шар земной
каучуковой обувью грубой,
будто сравнивает с луной,
проверяя
на вязкость грунта.
Страшно,
если летите,
за вас.
Страшно,
как на земле покупают.
Ты бы в шаре земном
не завяз,
лунный парень.
Лунный парень
(фамилия здесь ни при чем.
Имя тоже будет условно)
журналистов
расшвыривает
плечом,
впрочем,
делает это беззлобно.
И, давая автографы дурам,
морщась — видно, уже невтерпеж! —
он,
курносый,
с лукавым прищуром,
внешне
чем-то с Гагариным схож.
Твой любимец,
судьба,
не испорчен он
вроде бы
славою,
и разбита губа —
предала его
лыжа на слаломе.
Появленье его,
как вторженье.
Он ракетой
сквозь дым,
сквозь людей:
«Как тебя покороче —
Женя?
А меня, чтобы запросто,—
Дэйв.
Женя,
как Севастьянов Виталий?
Жаль, что вместе еще не летали.
Ничего,
мы когда-нибудь
Эльбой сделаем
Млечный Путь!»

2

Что-то общее есть в космонавтах —
в чувстве крошечности Земли.
Не делю их
на «ихних»
и «наших»,
все земные
и все свои.
Что куражиться —
чье преимущество?
Тот сильней, в ком бахвальства нет.
Человеческий гений,
мужество
неделимы,
как воздух,
как свет.
Ты, Кибальчич,
в камере мглистой
запланировал хьюстонский центр.
Здесь ракеты ревут по-английски,
но в английском — калужский акцент.
«Я ведь русский,—
смеется Дэйв.—
Циолковский —
это мой дед.
Запуск завтра,
ровнехонько в полдень.
Что, не терпится?
Потерпи.
Но, признаться,
люблю я «Аполло»
в час,
когда он один,
без толпы.
Завтра
официальные сопли,
суета,
толкотня.
Покажу тебе что-то особенное
в эту ночь.
Положись на меня».
В ночь — из бара.
Еще не прокуренный,
космос в искорках звездных дождей,
и улыбкой,
до боли Юриной,
хорошо улыбается Дэйв.

3

Полночь дышит соленой горечью —
океана слышится клич.
На машине Дэвида гоночной
мы летим по Кокоа-бич.
Вверх тормашками
весь мыс Кеннеди.
Сам шериф хмелен,
умилен.
Под завязку отели и кемпинги.
Супершоу!
Гостей — миллион!
Это страшная штука —
запуск —
для того, кто причастен к нему.
Для кого-то он
выпивка,
закусь,
новый шлягер «Полет на Луну».
В ресторациях джазы наяривают.
Выпавлиниванье,
выпендреж,
и хрустит
муравьями жареными
позолоченная молодежь.
Расфуфыренные девицы
держат щипчиками эскарго.
Королишка задрипанный,
вице-
президент,—
не упомню чего.
Платья лунные шьются к банкету.
Чья-то дочка
и чей-то зять
приезжают —
не видеть ракету,
а ракете себя показать.
И к ракете,
отчаянно смелой,
гордой дочери нашей Земли,
словно к рыбе большой,
белотелой,
прилипалы
вприсос
приросли.
Повторяю опять и опять:
почему прилипать вы вправе,
прилипалы к поэзии,
к славе,
все привыкшие опошлять?!

4

Мне сказал один космонавт:
«Хоть включай катапульту —
и в Африку.
Сладкой казнью меня казнят —
волокут на конфетную фабрику.
Как тянучка,
мура,
трепотня,
и среди карамельного ада
дарят мне —
представляешь?! —
меня —
статуэтку из шоколада.
Кто я им,
черт возьми!
Людоед,
чтобы есть сам себя на обед?!
Сладкой смертью умру.
Задарят.
Машина с сахаром
меня задавит!»

5

Дэйв спокоен:
«Я не философ,
не из умствующих задавал,
но немало подобных вопросов
я в полете себе задавал.
Пошлость — это налог.
Он тяжек,
отвратителен,
но пойми:
мы рискуем не ради бляшек —
ради будущего Земли.
Гладиаторам было туго.
Им насильно вручали мечи,
но они палачи друг для друга —
поневоле,
но палачи.
В космонавтах есть чувство братства.
Не у них мозги набекрень.
Мы людская
звездная раса,
человека иная ступень.
Все тесней на Земле пропыленной —
человечеству нужен простор.
Космонавтами будут мильоны,
как сейчас
каждый третий — шофер.
Подзазналась Земля-старуха.
Все великие в мире умы
для меня
космонавты духа
с чувством крошечности Земли.
Нужен,
чтобы духовно не ползать,
взгляд на Землю со стороны.
На Земле уничтожат пошлость,
посмотрев на нее с Луны...»

6

Дэйв, газуй!
Эту ночь мы украли.
Говори еще, Дэйв,
говори.

ВЫЕ
ТИХИ

За спиной муравьи в кляре,
муравьи в шоколаде
и фри.
На обочинах
малолитражки.
С ночи легче места занимать.
Ходят запросто по кругу фляжки,
кормит грудью ребенка мать.
Люд простой из Майами,
Нью-Йорка.
Здесь, природой счастливо дыша,
шоу завтрашнего галерка,
а галерка всегда хороша.
Здесь по спальным мешкам студенческим,
утверждая права свои,
ходят с видом
еще молодеческим
незажаренные муравьи.
Здесь в обнимку на крыше «фольксвагена»
двое...
Звездный простор так чист,
и вдали
белоснежно,
свадебно
карандашик ракеты торчит.

7

Первый полицейский кордон:
«Сэр? Мы вас не узнали...
Пардон!»
Второй полицейский кордон:
Дэйв сует какой-то картон.
Изучают...
«Позднѐнько...» —
изрек
полицейский,
но под козырек...
Третий полицейский кордон.
Здесь
уже непохожий тон.
Вроде — сделать нельзя ничего.
«Пропуск только на одного».
Полицейского взгляд косоват,
ну, а Дэйв —
начальственно,
властно:
«Это
будущий космонавт;
только сверхзасекреченный...
Ясно?»
«Ясно...»
Магия сверхзасекреченности,
ты сработала,
не подвела.
Тайный гриф особой отмеченности
ощущаю.
Такие дела!
(Как сказал бы Курт Воннегут,
если был бы со мною тут.)

8

Что морочит людей,
как детей?
Наши детские игры во взрослость.
Ну, а вдруг не ошибся ты,
Дэйв,
и взлечу я когда-нибудь в космос?
Я бы там ощутил,
как в степи,
чувство вечности,
чувство млечности
и читал и читал бы стихи,
только сразу
всему человечеству.

9

Четвертый полицейский кордон.
Я застыл с пересохшим ртом.
В горле тоже горячая сухость.
А ракета
метрах в двухстах
замерла,
на цыпочки встав,
к рыжим звездам тревожно принюхиваясь.

10

И стояла ракета,
молода и свежа,
ожидая рассвета,
чуть под кожей дрожа.

И опорная башня,
сдув с нее воронье,
чтобы не было страшно,
обнимала ее.

Обнимала с тревогой,
как сестренку сестра,
перед дальней дорогой
из родного села.

Что-то грузное, крабье
было в красных клешнях
и крестьянское, бабье:
жалость, нежность и страх.

Мир — большая деревня,
и за столько веков
бабам так надоели
драки их мужиков.

Кроме драк, есть большая
и святая борьба,
но ничто не решает
сила, если груба.

С бомбой страшной, кистенной
у соломенных крыш
в схватке стенка на стенку
всю деревню спалишь.

Нет Галактикам края,
нет у космоса дна,
но деревня такая
во Вселенной одна.

Это счастье, даренье,
это мука моя —
быть поэтом деревни
под названьем Земля.

А ракета гляделась
в лица дальних планет,
а ракета оделась
в прожекторный свет.

Уходя в бесконечность,
тихо пели лучи.
Человечность и вечность
обнимались в ночи.

Мыс Кеннеди — Коктебель.
Апрель — май.

БРОДВЕЙСКИЙ ЦЫГАН

Цыган и цыганщина — разные вещи.
Цыганщина, ты на цыгана клевещешь,
когда преподносишь его плясуном,
вертящимся, словно волчок, очумело,
мешающим пьяно под крики «Чавелла!»
крепленые слезы с крепленым вином.
Цыган — это не семиструнные страсти,
а тысячеструнные. Как ни прикрасьте
цыгана судьбу — в ней трагедии боль.
Страны под названьем Цыгания нету,
но в поисках бродят цыгане по свету.
Цыган — это тайна, а вовсе не роль.

По несуществующему ностальгия,
наверно, больней, чем все боли другие.
Дыра в одеяле лоскутном всех стран.
Бродвей. На душе у меня так погано,
когда с отвращеньем под образ цыгана
на сцене подделывается цыган.

Нью-Йорк.

ДВА НЕГРА

Огромный негр лежит у моря во Флориде.
Он в небо камешки подбрасывает,
ловит,
и вызывающий вопрос:
«Что вы творите?» —
не брезжит что-то
на губах его лиловых.
Не уважают нынче негры
Бичер-Стоу —
их оскорбляет в книге
жалкость дяди Тома,
и если негр,
усталый негр,
по-бычьи стонет —
предпочитает это делать ночью,
дома.
А здесь, на пляже,
он газетку подстилает,
и тем, что черен,
он гордится
в самом деле,
и пятки белые
он солнцу подставляет,
чтобы они под солнцем
тоже почернели.
А рядом с негром
чьи-то выцветшие джинсы.
С гусиной кожею какой-то странный белый.
Он убежал,
как от надсмотрщика,
от жизни.
Он весь издерган,
понимая, что он беглый.
Его поймают, возвратят...
Нет, не повесят,
а снова к тачке прикуют —
к его убийце.
И негр, он мог бы
дать ему совет полезный,
как улизнуть.
Но белый спрашивать боится.
И он завидует
разлегшемуся негру,
когда он видит его тело,
все тугое,
его блаженно наплевательскую негу,
его возвышенность
природного изгоя.

И белый думает,
придя на этот берег,
чтоб хоть немножко подлечить природой
нервы:
на белом свете нет
ни черных и ни белых,
на белом свете есть надсмотрщики
и негры.
Лежат два негра.
Где он — общий их Джон Браун?
Лежат два негра,
не советуясь,
не споря.
И человечеству зализывает раны
все понимающее,
сгорбленное море...

Флорида.

ГРАНД КАНЬОН

Что-то слоящееся,
двоящееся,
что-то
само от себя таящееся,
душу свою от людей,
как ящерица,
прячущее под камень.
Что-то совсем немыслимо летнее,
что-то первичное,
что-то последнее,
что-то,
в чем Авель и Каин.
Чрево веков,
наизнанку вывернутое,
Сфинкс,
чья загадка, временем выветренная,
нами не выведанная,
канет.
Тело истории —
но не по главкам,—
с маху распоротое томагавком,
вместе с кишками и калом.
Айсбергов красных гранитные сандвичи,
будто всю кровь убиенных,
как семечки,
в жмых спрессовали по каплям.
Складки,
как будто бы собраны вечностью
вместе морщины всего человечества...
Кто ты,
Гранд Каньон?
Кто ты, Гранд Каньон?
Чего тебе надо?
Ноев ковчег.
Вавилон.
Эллада.
Римские цирки — тиранов услада —
на аризонском песке.
В каждой твоей раскаленной песчинке
спрятаны гунны,
ацтеки,
инки,
словно огонь в угольке.
Эти утесы —
вожди краснокожие,
копьями мысли свои осторожные
помешивающие в котелке.
Борются камни.
Каждый — хитрюга.
Камни хотят придавить друг друга,
но победителей нет.
Камни борьбою бессмысленной маются,
после друг к другу они прижимаются,
и обнимаются,
и ломаются,
что-то хрипя напослед.
Все, кто величественно государили,—
все Македонские,
Ксерксы и Дарии,
в душу вселявшие страх,
Карлы, казавшиеся великанами,—
кем они стали сегодня в Гранд Каньоне?
Красною пылью у мула в ноздрях.
Всех, кто больны гигантизмом,—
в Гранд Каньон!
Быстренько карлик поймет,
что он карлик
у пропастей в гостях.
Жалкий,
как Наполеон в Египте,
я закричу вот-вот:
«Помогите!» —
перед лицом бессмертия встав.
Вижу:
торчит в базальтовой толще
усиков Гитлера щеточка тощая.
Мул, дожевать ее — это пустяк!
Кто ты, Гранд Каньон?
Напластования
необъяснимого существования,
словно тома на тома.
Нету здесь горок мирка диснейлендского.
Полным собранием Достоевского —
горы страданий,
горы ума.
Рядом —
газеты окаменевшие,
но, к сожалению, не поумневшие —
горы дерьма.
Кто ты, Гранд Каньон?
Ты как революция.
Буйны твои водопады ревущие,
словно восстание Спартака.
Над колорадскими перекатами
скалы —
парижскими баррикадами —
делают юным тебя,
старика.
Месяц во мгле,
что чернее вара,
словно фонарик ручной Че Гевары,
где-то скрывающегося пока.
Кто ты, Гранд Каньон?
Ты образ Америки.
Тропы,
как жилы рабочие,
фермерские,
хоть в президенты тебя выбирай!
Воздух уитменовский,
робертфростовский,
но оглядишься —
пропасть за пропастью,
чьи-то скелеты,
вороний грай.
Кактусы —
хиппи небритые склонов.
Ветер —
молитвенный хор мормонов.
Черные бездны —
гарлемский рай.
Словно студенты,
внезапны обвалы.
Как большинство молчаливое —
скалы.
Крепко на лбах ледяной припай.
Ты,
как Америка,
неприкаян,
ты, как она,
разностилен, Гранд Каньон,
ты, как она,
вразнобой и враздрай,
но, и расколотый даже,
ты целостен.
Так тебя выстроил
с дьявольской смелостью
бог,
словно Фрэнк Ллойд Райт!
Кто ты, Гранд Каньон?
Ты людям награда.
Девочка сходит к реке Колорадо,
и раскладушка торчит в рюкзаке.
Девочка смотрит нездешне
небесно.
Тянет ее по краешку бездны
пес на спасительном поводке.
Странная все-таки эта туристка.
Нету в ней страха смертельного риска,
нету желанья держаться в тени.
Тихо идет, осторожно ступая.
Вздрогни, Гранд Каньон:
она слепая.
Ты ее камешком вниз не столкни.
Облака нежно касаясь щекою,
тихо идет над бурлящей рекою
девочка в утренний час.
Что-то в ней есть от походки старушек
но на лице ее столько веснушек —
рыжих, всевидящих глаз.
С жадностью воздух вбирая глотками,
кожею видит она Гранд Каньон,
чудо его красоты,
и, красотой исцеляюще ранена,
девочка эта слепая в Гранд Каньоне
выше,
Гранд Каньон,
чем ты.

Аризона.
Апрель.

ДОМ ВОЛКА

1

Домом Волка
Джек Лондон
прозвал этот дом,
горько видя последнее логово в нем,
убегая от славы,
словно волк от облавы.
И Джек Лондон бы мог прохрипеть,
зарыдав,
тайным страхом пронизан до самых костей:
«Мне на плечи бросается век-волкодав,
но не волк я по крови своей».
Страх планировал спальни,
столовую, кухню и ниши для книг.
Страх наметил бассейн
и каминные трубы воздвиг,
но входящий без стука,
затянутый в черное,
страх —
твой бессмертный посол,
человеческий крах.
А кого же боялся хозяин?
Боялся поддельных страстей,
потому что когда-то
он знал настоящую страсть
и боялся гостей,
потому что любил он гостей,
но не тех, кто к нему приходили
по крохам судьбу его красть,
и еще он боялся плохих новостей,
а хороших не ждал —
эти карты предчувствиям были не в масть.
Если б море когда-нибудь в гости пришло,
то, наверное,
не было б так тяжело,
только море не ходит в гости,
а играет с матросами в кости...
Пострашнее безвестности,
Мартин Иден,
если ты для кого-то —
языческий идол.
Пострашнее всех прачечных,
Мартин Иден,
если ты любопытным до прыщика виден.

2

Пострашней поножовщины,
Мартин Иден,
если стал твой успех незавидный
завиден.
В том обществе, где слава —
яд,
литература —
странный ад,
и среди гомона и визга
поджаривает
брата брат
на постном масле гуманизма.
В этом странном аду
кое-кто
так поставил задачу:
помогать —
лишь попавшим в беду,
загрызать —
всех, попавших в удачу.
Злобный взгляд подлеца необиден,
Зависть друга страшна,
Мартин Иден.
Крикнуть хочется,
чуть не плача:
разве слава —
это удача?!

3

Хмуро мучишь мелом кий,
пьяный, над столом.
Ты обложен, миленький,
с четырех сторон.
Если хочешь скрыть свой след,
то гласит давно
беглых каторжников сленг:
«Залегай на дно».
Но, как близкий человек,
шепчет льстивый черт:
«Должен быть,
мой Фауст-Джек,
и на дне
комфорт».
И ты строил свое дно,
как попутал бес,
чтобы высилось оно
до самых небес.

И проекты дна-дворца,
сметы, котлован
уничтожили творца.
Черт — он хитрован.
Дом сгорел — пусть сгинет он,
но хрипит зола:
«Домом собственным сожжен
гений, и — дотла...»

4

В старом фильме
«Гражданин Кейн»
есть дворец.
Там на лакее — лакей.
Вазы севрские,
саксонский фарфор,
ну, а этот гражданин —
высокий вор.
Свою нацию он ловко ввел в обман:
честь ее он положил себе в карман,
а поймал его не кто-то,
а пожар:
он,
рыча,
по гобеленам побежал,
и все то, что было вроде на века,
черным дымом,
чадным дымом —
в облака...
Так
кончается
любой хапеж:
это
самовозгорается
ложь.

5

Но ты не был,
Джек Лондон,
вором —
бескорыстьем ты всех поражал.
Почему же таким приговором
осудил тебя тоже пожар?

Ты влеплял, как пощечину, честность
воровскому трусливому сброду,
но на бирже, где вор на воре —
самого себя погубя,
ты украл у себя неизвестность,
означающую свободу,
ты украл у себя море,
означающее тебя.

И пожар,
словно меч Дамокла,
над твоей головою висел,
и он съел сначала
Дом Волка,
а потом
и хозяина съел.
Есть в пожаре самом —
воровское.
Он сожрет
и безвинный кров,
но порой удивляюсь, какое
у огня
есть чутье на воров.

6

Добро пожаловать в Дом Волка!
Стучать
не тщись.
В руинах скрыта недомолвка.
Доскажет
жизнь.
Как оправданье бренной славы,
за столько лет
бассейн заполонили травы
и кабинет.
Хвоща зеленая метелка,
усы
овса...
Добро пожаловать в Дом Волка,
заблудшая овца!
Не щелкнет весело щеколда,
не скрипнет дом,
и не встряхнет в руках Джек Лондон
коктейль со льдом.
На братьев Кеннеди похожий,
он под норд-вест
вновь не подставит острый ежик.
На прошлом —
крест.
В туманах суши сбился с галса
его штурвал.
Джек просто слишком надорвался
и — «подорвал».
Как Джонни в поезде забылся,
он в уголок
могилы собственной забился,
«на дно залег».
Но даже в смерти нету смысла,
когда никак,
и умерев, не можешь смыться
от куч зевак.
Туристы,
вам руины рады,
рад
мертвый волк.
Нацельте фотоаппараты,
и разом — щелк!
Добро пожаловать на пепел
чужих надежд!
Здесь ни дверей, ни даже петель,
но стены —
те ж.
Предупреждаю,
осторожно,
скользнув бочком,
но все же их пощупать можно
мизинчиком.
О, как ты щупать любишь, мелочь,
величья прах,
как будто ты себя изменишь,
его поправ.
И лишь, пугая люд беспечный,
издалека
над пепелищем слышен
вечный
вой
Белого Клыка.

Калифорния. Лунная Долина — Москва.
Апрель — август.

Я ХОТЕЛ БЫ...

Я хотел бы
родиться
во всех странах,
чтоб земля, как арбуз,
свою тайну
сама для меня разломила,
всеми рыбами быть
во всех океанах
и собаками всеми
на улицах мира.
Не хочу я склоняться
ни перед какими богами,
не хочу я играть
в православного хиппи,
но хотел бы нырнуть
глубоко-глубоко на Байкале,
ну, а вынырнуть,
фыркая,
на Миссисипи.
Я хотел бы в моей ненаглядной проклятой Вселенной
быть репейником сирым —
не то что холеным левкоем,
божьей тварью любой —
хоть последней паршивой гиеной,
но тираном — ни в коем
и кошкой тирана — ни в коем.
И хотел бы я быть
человеком в любой ипостаси:
хоть под пыткой в афинской тюрьме,
хоть бездомным в трущобах Гонконга,
хоть скелетом живым в Бангладеше,
хоть нищим юродивым в Лхасе,
хоть в Кейптауне негром,
но не в ипостаси подонка.
Я хотел бы лежать
под ножами всех в мире хирургов,
быть горбатым, слепым,
испытать все болезни, все раны, уродства,
быть обрубком войны,
подбирателем грязных окурков —
лишь бы внутрь не пролез
подловатый микроб превосходства.
Не в элите хотел бы я быть,
но, конечно, не в стаде трусливых,
не в овчарках при стаде,
не в пастырях, стаду угодных,
и хотел бы я счастья,
но лишь не за счет несчастливых,
и хотел бы свободы для всех,
но лишь не за счет несвободных.
Я хотел бы любить
всех на свете женщин
и хотел бы я женщиной быть —
хоть однажды...
Мать-природа,
мужчина тобой преуменьшен.
Почему материнства мужчине не дашь ты?
Если б торкнулось в нем,
там, под сердцем,
дитя беспричинно,
то, наверно, жесток
так бы не был мужчина.
Всенасущным хотел бы я быть —
ну, хоть чашкою риса
в руках у вьетнамки наплаканной,
хоть головкою лука
в тюремной бурде на Гаити,
хоть дешевым вином
в траттории рабочей неапольской
и хоть крошечным тюбиком сыра
на лунной орбите:
пусть бы съели меня,
пусть бы выпили —
лишь бы польза была в моей гибели.
Я хотел бы всевременным быть,
всю историю так огорошив,
чтоб она обалдела,
как я с ней нахальствую:
распилить пугачевскую клетку,
в Россию проникшим Гаврошем,
привезти Нефертити
на пущинской тройке
в Михайловское.
Я хотел бы раз в сто
увеличить пространство мгновенья:
чтобы в тот же момент
я на Лене пил спирт с рыбаками,
целовался в Бейруте,
плясал под тамтамы в Гвинее,
бастовал на «Рено»,
мяч гонял с пацанами на Копокабане.
Всеязыким хотел бы я быть,
словно тайные воды под почвой.
Всепрофессийным сразу.
И я бы добился,
чтоб один Евтушенко был просто поэт,
а второй — был испанский подпольщик,
третий — в Беркли студент,
а четвертый — чеканщик тбилисский.
Ну, а пятый —
учитель среди эскимосских детей
на Аляске,
а шестой — молодой президент,
где-то,
скажем, хоть в Сьерра-Леоне,
а седьмой —
еще только бы тряс погремушкой
в коляске,
а десятый...
а сотый...
а миллионный...
Быть собою мне мало —
быть всеми мне дайте!
Каждой твари
и то, как ведется, по паре,
ну, а бог,
поскупясь на копирку,
меня в богиздате
напечатал в единственном экземпляре.
Но я богу все карты смешаю.
Я бога запутаю!
Буду тысячелик
до последнего самого дня,
чтоб гудела земля от меня,
чтоб рехнулись компьютеры
на всемирной переписи меня.
Я хотел бы на всех баррикадах твоих,
человечество,
драться,
к Пиренеям прижаться,
Сахарой насквозь пропылиться,
и принять в себя веру
людского великого братства,
не упав
до дешевого космополитства.
И когда я умру —
нашумевшим сибирским Вийоном,—
положите меня
не в чилийскую,
не в итальянскую землю —
в нашу русскую землю
на тихом холме,
на зеленом,
где впервые
себя
я почувствовал всеми.

Москва.
Июль.

ОТСЮДА ВИДНА ВСЯ СТРАНА

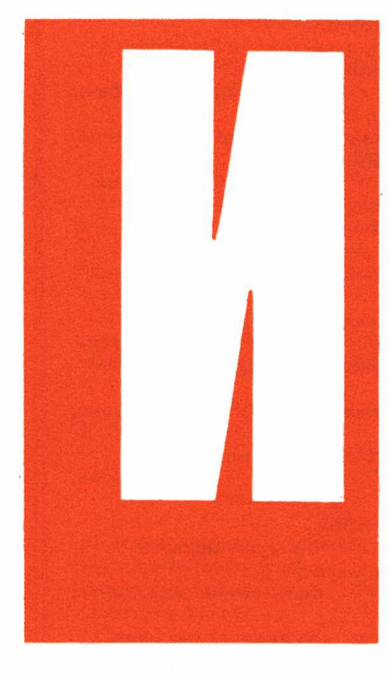
БУДНИ ГЛАВНОЙ ВЫСТАВКИ ❊ ТОЧКИ НА КАРТЕ ❊ РАБОЧЕЕ МЕСТО ИНЖЕНЕРА ВИКТОРА МЕТЕЛКИНА ❊ КРУГЛЫЙ ДОМ ❊ ПОСЫЛКА ИЗ ЭСТОНИИ ❊ ЭКСПОНАТУ — ЧЕТЫРЕ ДНЯ

На стендах этой выставки — более 100 000 экспонатов. Только за месяц в ее аудиториях прочитаны десятки лекций. Отсюда, с ВДНХ, видна вся страна, здесь обретает зримые черты дружба народов Советского Союза.

ВДНХ — это словно визитная карточка нашего многонационального государства: вот каково оно, вот плоды дерзаний, творения разума и рук ее сынов и дочерей...

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ

СТАНОК С МАРКОЙ ЗВИ

нженер московского завода имени Владимира Ильича Виктор Иванович Метелкин целый месяц не доставал заводского пропуска. Каждое его рабочее утро начиналось не на родном заводе, а в одном из павильонов выставки. Забота у Метелкина вроде бы не ахти какая: пришел, включил станок, проверил и сиди покуривай. Правда, в самом павильоне курить нельзя, так заведено. Но выйти-то можно? Конечно! Но...

— Отвыкну от курева,— шутит Метелкин.

И впрямь покурить некогда.

Несколько раз мы были в павильоне, но не случалось, чтобы возле присланного с завода станка не стояли бы желающие узнать о нем подробнее, обстоятельнее.

— Специально с Сахалина приехал,— объясняет инженер М. Фролов.— Прихожу на завод, покажите, говорю. А мне отвечают: поезжайте на выставку, там наш станок...

Правильно рассудили на заводе — в цехе новинку увидят единицы, на выставке — тысячи.

...Мы привыкли, что в токарном деле неподвижный резец обрабатывает вращающуюся деталь. Здесь деталь тоже вертится, а вместе с ней и резец. Его вращает... сама обрабатываемая деталь.

— Что это дает? — Метелкин останавливает станок и объясняет.— Почти полчаса работал — потрогайте, а резец не нагрелся, да и деталь холодная. И износ резца меньше. А режущая кромка побольше, значит, быстрее дело идет. Мы такими резцами обрабатываем роторы — чистота отменная. И КПД двигателя повышается — вот что важно. Все это в сумме дает предприятию экономический эффект более чем в полмиллиона рублей в год. Вы собираетесь написать об этом в «Огоньке»? Тогда обязательно скажите, что приспособления эти для станка создавали в тесном содружестве два коллектива: наш — заводской и ученых Физико-технического института Академии наук Белоруссии. У нас с ними дружба давняя и плодотворная.

145 ПАССАЖИРОВ

Новаторы и изобретатели всех республик считают ВДНХ родным домом. Сейчас тут идет показ изобретений работников автомобильной промышленности. Сколько новинок!

Выставка по-своему, деловито и конкретно, вмешалась в дискуссию о городском транспорте. Она показала проект перспективного автобуса, который в часы пик может перевозить 145 пассажиров. Все есть в этой машине — комфорт и скорость, элегантность, сочетающаяся с необычностью внешнего облика. Место водителя расположено «на крыше» — в кабине, заметно выступающей над передней дверью. Частная проблема? Может быть. Но ведь и самое большое дело состоит из частностей. Да и вся ВДНХ — гигантская мозаика экспонатов, объединенных одним принципом: самое передовое. Шкатулка драгоценностей, которым нет числа, которые для всех. И если вы охотник за новшествами, то не уйдете с выставки с пустыми руками.

КРУГЛЫЙ ДОМ

«Вот это то, что надо! Ждем с нетерпением на трассе газопровода Мессояха — Норильск...» (Запись в книге отзывов.)

Но не только строители Севера, а все, кто поднялся по трем крутым ступенькам и открыл дверь в необычное сооружение, уже не первый месяц стоящее возле павильона «Газовая промышленность», заинтересовались этим домом.

— Мы собирались было убрать экспонат: по выставочным срокам он перестоял и не является новинкой в строгом смысле слова,— сказали нам в павильоне.— Но посетители все идут и идут. И почти каждый заходит в «трубу на полозьях» — в круглый дом — и спрашивает: «Как приобрести такой?» Задача выставки именно в этом — в популяризации лучшего. «Цельнометаллический унифицированный блок ЦУБ-1» (придумают же такое несимпатичное название!) сделан словно из обрезка гигантской, диаметром более трех метров, трубы. Предназначен он для размещения административных и бытовых служб в условиях Крайнего Севера, потому что сохранит тепло, уют и при температуре ниже минус 50 градусов, даже пурге не пробиться через его плотную стальную броню без единой щели, с окном, не нарушающим герметичности стен.

Круглый дом на полозьях имеет водяное отопление (возможен вариант с электрическим), вентиляцию, электроосвещение, горячее и холодное водоснабжение (баки в прихожей). Такая конструкция оказалась лучше прямоугольной. А для перевозки ЦУБ-1 можно использовать как наземный транспорт, так и вертолеты. Преимущество и в простоте монтажа и в надежности работы внутреннего инженерного оборудования. Что же касается экономического эффекта, то от использования одного блока в условиях Крайнего Севера ежегодная экономия 5 000 рублей.

Остается лишь добавить, что полезная площадь дома — 26,5, жилая — 18, высота потолка — 2,4 метра.

ЭКСПОНАТУ — ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Он только что родился, симпатичный пятнистый олененок. Едва стал на ноги, доверчиво семеня за матерью, куда бы она ни шла. Четыре дня олененку. Четыре дня он экспонат ВДНХ, самый, может, молодой экспонат.

В соседях — не простые соседи, именитые — у олененка недостатка нет: он живет в животноводческом городке выставки, который собрал все лучшее, что есть в этой отрас-

---

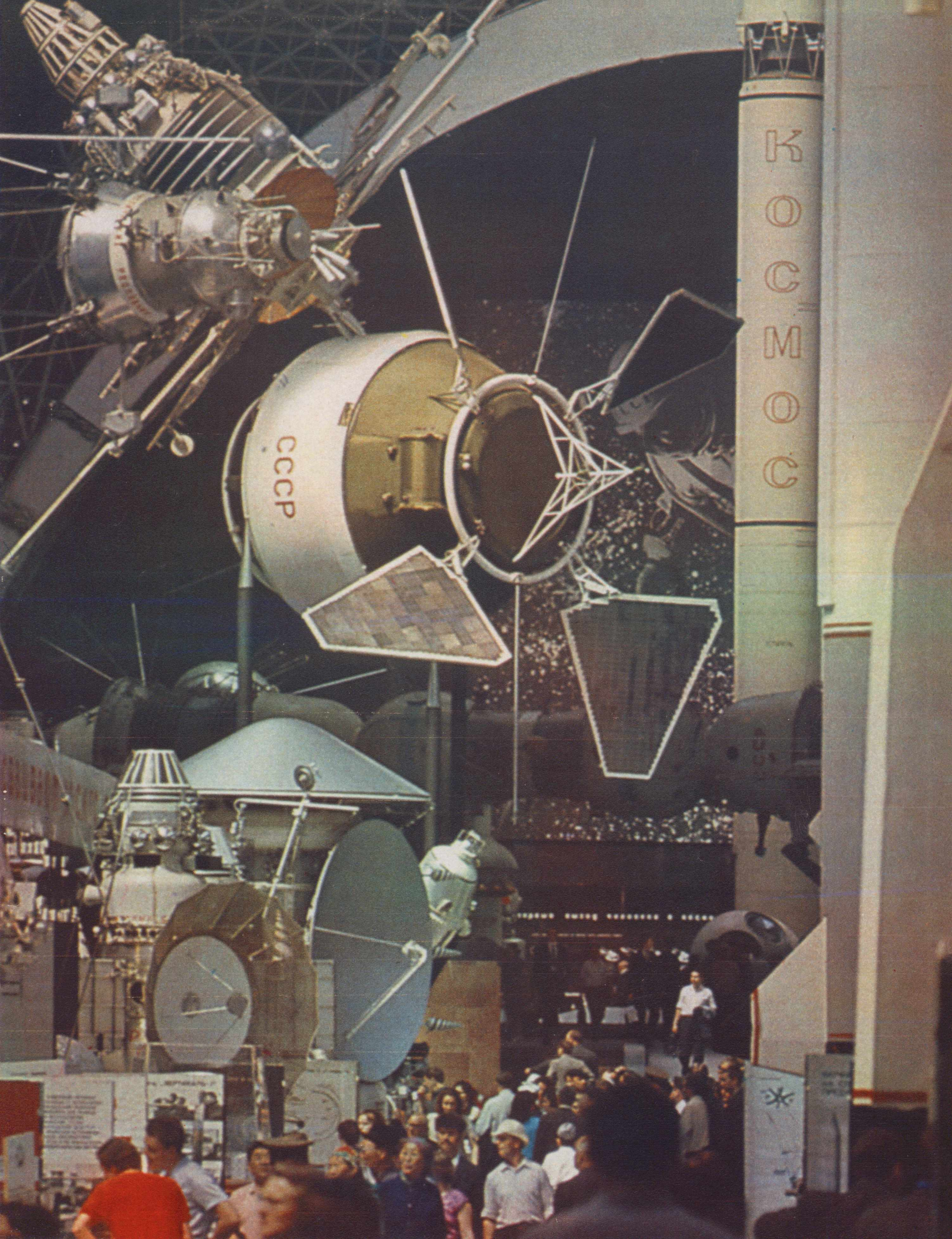
На наших вкладках:

Снимок на первой странице сделан в павильоне «Космос».

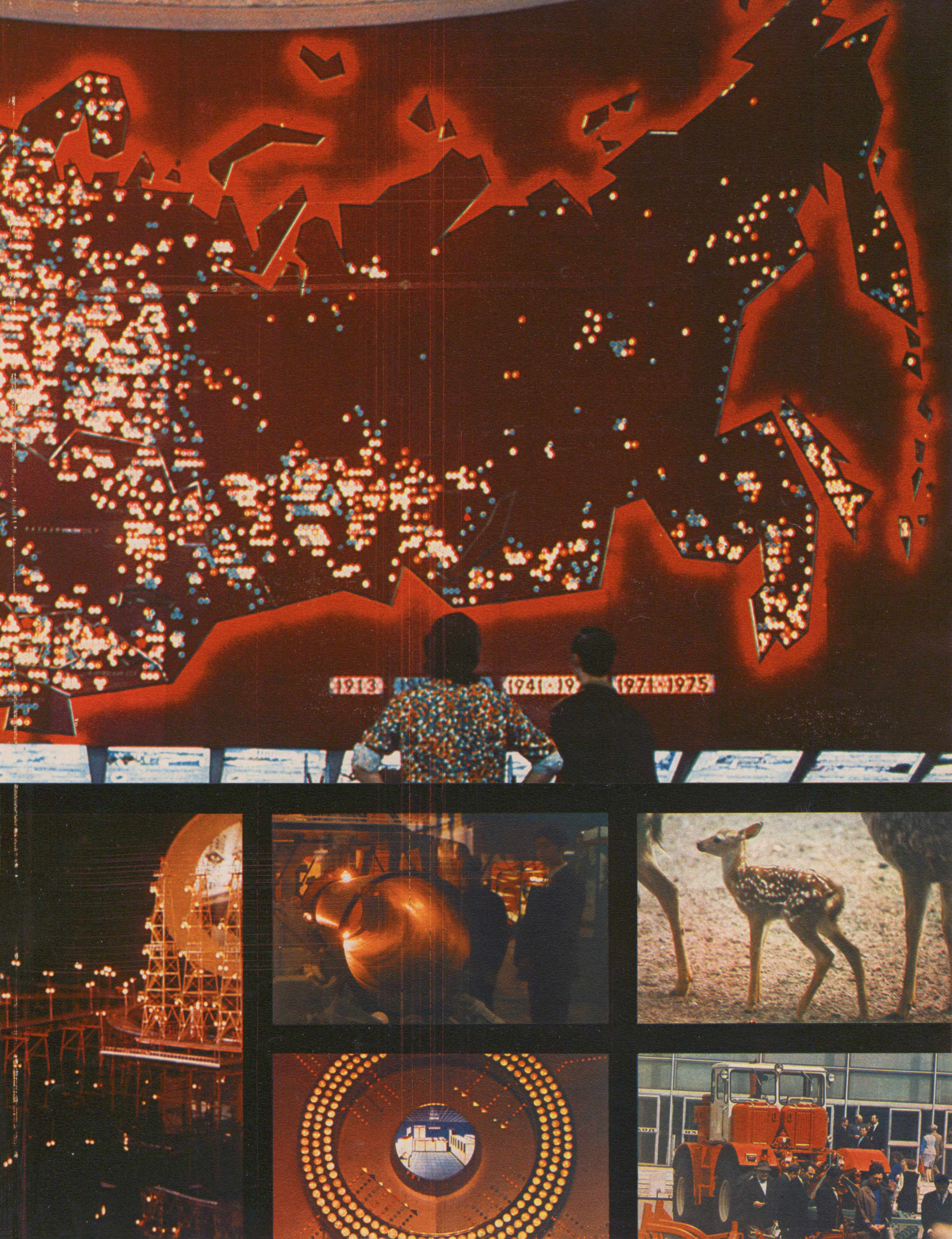
На развороте: Около карты нашей страны в Центральном павильоне ВДНХ. Волшебством своим карта может перенести нас в прошлое, и тогда видно, что собой прежде представляла промышленность... Редкие огоньки — символы заводов и фабрик; по пальцам можно пересчитать.

1972 год — не узнать страны! Море огней-строек полыхает во всех республиках; центры науки, культуры, просвещения, промышленности. Не счесть алмазных точек на карте. Можно только выбрать несколько из них. И сделать затем фотографии, наполняющие эти точки конкретным содержанием.

1. Полнятся богатства страны работами геологов... 2. Полуостров Мангышлак. Атомная электростанция. Макет ее представлен в павильоне «Атомная энергия». 3. Тянется вдаль линия электропередачи... 4. Вход в павильон «Народное образование». 5. Азербайджан, знаменитые Нефтяные Камни. 6. Так выглядит макет прокатного стана, дающего трубы диаметром в 2 520 миллиметров. 7. Павильон «Вычислительная техника» — как всесоюзная бухгалтерия. И ее символ — круг с ЭВМ. Когда мы были в павильоне, на ЭВМ рассчитывали материалы, присланные геофизиками. 8. Тот самый олененок — экспонат, которому четыре дня. 9. Сегодняшнее сельское хозяйство — современные машины.

КОСМОС
СССР

УКЫРГА
ДЕША
УЧИТЬСЯ
ОХУМАТ
ТОХОДАНА
УЧИТЬСЯ
УЧИТЬСЯ
ОКЫМАГА
УЧИТЬСЯ
УРХУБ
СУРХМИ

1913
1971-1975

ли сельского хозяйства. Не только экспонаты, но и опыт. Самый передовой опыт. Сейчас, в пору жарких уборочных работ, когда каждый в селе на учете, экспонентов совсем немного, труженики полей разъехались по родным колхозам и совхозам. В другие же дни здесь можно встретиться с прославленными животноводами, садоводами, полеводами, хлеборобами из разных областей страны, из всех республик.

...Познакомились мы тут с Героем Социалистического Труда Н. И. Грушка — дояркой колхоза имени Ленина, Сумской области. А она, в свою очередь, показала свою воспитанницу Мережку. Так зовут корову-рекордистку, от которой в прошлом году за 300 дней было надоено 12 349 литров молока. Представьте, если ежедневно выпивать по бутылке молока, то Мережка может своей годовой продукцией одного человека кормить почти семьдесят лет.

— Если молоко не скиснет...

Впрочем, скисать ему быстро не обязательно. И дело не только в том, что Мережкино молоко очень высокой жирности. Просто научились теперь так стерилизовать молоко и разливать его в такую посуду, что и через месяц, если даже молоко хранилось не в холодильнике, оно свежее, только что не парное.

— Но все равно семьдесят лет ему не продержаться,— улыбается экскурсовод.— Да и ни к чему. Поэтому отправляют молоко в детский сад. Ребята довольны. Мережка может напоить молоком большую группу малышей.

ВОТ ЭТО ТРУБА!

В накопитель прокатного стана стекала широкая, в палец толщиной, стальная лента. Мощные валы уже ждали ее, подхватывали звенящее полотно стали и сворачивали его без всяких усилий, как цигарку, в трубу. Ровную трубу диаметром более двух с половиной метров. На конце стана плазменный резак, навострив свой огненный нож, впивался в металл, и сталь податливо уступала. Рольганг аккуратно откатывал отрезанный плазмой кусок трубы в сторону, на песок. А там уже ждал «под парами» «Москвич-408», чтобы на удивление всем выполнить почти цирковой номер: на неплохой для цеховых гонок скорости он забирался в трубу и вылетал из нее. «Каково?» Улыбчивый шофер и сам, видно, не мог надивиться такому шоссе.

— Вылетать в такую трубу — удовольствие!..

А стан продолжал сваривать трубы-гиганты, нужные и для коллекторов и для устройства многих подземных коммуникаций городов. Настанет время, придут такие трубы и на газопроводы: вместо четырех-пяти ниток обычного диаметра одна супертруба!

И вот, кажется, прямо с Новомосковского завода Днепропетровской области, где мы видели такой стан, сюда, в павильон металлургии, шагнул его макет. А рядом с ним — сообщение о том, что трубы диаметром 2 520 миллиметров прокатывают также на Ждановском заводе тяжелого машиностроения. Информация краткая: «Труба предназначена для строительства газопроводов... Конструкция изготовляется совместно с Институтом электросварки имени Е. О. Патона».

БОГАТСТВО НЕДР

Давний наш знакомый, видный геолог, в письмах нет-нет да и спросит: «Что нового в геологическом павильоне?..»

— Что нового? — переспрашивает нас старший инженер-методист павильона Татьяна Ивановна Смирнова и приглашает посмотреть сегодняшнюю почту.

Несколько только что распакованных посылок. Эстонские геологи прислали натурные образцы — куски доломита.

Один из выставочных фонтанов. Частью выставки является и городок отдыха. Стремительная карусель, и птица-тройка, и лодка на пруду, и цветы — много цветов...

Белорусские исследователи недр предлагают павильону свои находки, из Средней Азии пришел великолепный образец самородной серы — ярко-желтый, словно пламя.

...Советская геология пользуется мировым авторитетом. Десятки новых городов начинались с телеграммы геологов: «Открыто месторождение». Так было с газом и нефтью Тюмени, с алмазами Якутии, с золотом Узбекистана. Каждое из этих открытий называют «находкой века». Идет по земле геолог, изучает ее недра, а экспонаты павильона рассказывают об этом. Впрочем, сегодняшняя геология — это не только полевые партии и лабораторные исследования. Нынешняя геология немыслима без аэрофотосъемки, а недавно на помощь ей пришли космические исследования...

Геологический «диапазон» — от новых нефтеносных районов до поисков самоцветных камней. В Кызылкумах геологи нашли древние разработки бирюзы — «небесного дара». Много веков назад тут добывали этот пронзительно голубой камень. И поныне в пустыне сохранились карьеры, осыпавшиеся, почти стертые песками и ветром, в которых когда-то велась добыча. Сейчас эти разработки промышленного значения не имеют. Но бирюза ведь соседствует с некоторыми необходимыми минералами, словно сопровождает их. По этим следам и пошли геологи, открывшие несколько месторождений редких и цветных металлов.

Неподалеку от бирюзовых копей находятся знаменитые отгонные пастбища с колодцами солоноватой, терпкой на вкус воды. Говорят, что если поить овцу не этой вот жесткой, невкусной в общем-то водой, то не даст она потомства с каракулем, завитки которого, как высший класс парикмахерского искусства: упругие, шелковистые, тугие. И очень красивые. В этих краях вывели породу овец, дающих каракуль необычайной окраски — «пламя свечи», каракуль-прима. И, как утверждают пастухи, он вобрал в себя немного цвета красной пустыни, а еще чуть-чуть, так, для оттенка,— бирюзы, ее голубого отлива...

Может, поэтому на ВДНХ павильон «Геология», где можно увидеть образцы с удивительной бирюзой, находится по соседству с павильоном «Центросоюза», где представлены редкостные каракулевые шкурки. Тысячи животноводов были уже в этом павильоне, интересовались, где и как выведена столь примечательная порода. Можно ли размножить ее?

Есть в геологическом павильоне еще одна достопримечательность — информационный центр: небольшой «рынок идей». Знающие, любящие свое дело сотрудники центра собрали здесь все, что говорит о геологии, о новейших ее достижениях. Брошюры, листовки, монографии, ученые труды, оттиски геологических журналов, книги — нет уголка страны, куда не отправлялись бы отсюда бандероли.

КОСМИЧЕСКАЯ РОЩА

Первое деревце посадил П. И. Беляев. «В память о Юрии Алексеевиче»,— сказал тогда космонавт. Было это в 1968 году. Гагаринский каштан и положил начало аллее, которую сейчас все называют «космической». И стало традицией, что по весне, в апреле, в День космонавтики, на ВДНХ приезжают летчики-космонавты. Деревце к деревцу полнится аллея! В этом году ей стало тесно, и теперь деревья растут с двух сторон, обрамляя вход в Центральный павильон. Это уже не аллея, а рощица...

— А если к этим деревцам приплюсовать те, что высадили в разных странах Ю. А. Гагарин и его товарищи-космонавты,— сказал А. А. Леонов,— то это будет уже не рощица, а большая, тенистая роща.

На выставке заботятся о «космических» каштанах. Рано утром сюда приходят садовники, окапывают деревья, следят за тем, как они набирают силу, тянутся вверх.

Да и космонавты приезжают. Обычно их встречают букетами цветов, выращенных в выставочной оранжерее или в павильоне цветоводства.

Цветы, пожалуй, самые нежные экспонаты выставки. Сейчас здесь проходят смотры (каждую пятницу собирается жюри) цветов, выращенных в разных уголках нашей страны. Самолеты доставляют сюда бакинские розы и узбекские орхидеи, молдавскую гвоздику и прибалтийские астры... И вся эта красота, как правило, выращивается не на делянках селекционеров, а в обычных садах и оранжереях.

— И на заводских территориях...

— На заводских?

— Конечно, что в этом особенного?!

И рассказали про Карагандинский металлургический завод. Несколько лет назад там решили: превратим заводскую территорию в цветущий сад. Обратились в один из крупнейших ботанических садов республики, совместно подобрали сорта цветов. И завод засверкал яркими газонами, цветниками, зарослями кустарников. Заводской сад стал словно продолжением городского «Парка дружбы».

ВДНХ поведала и об этом.

«КАШТАН» МОДЕЛИРУЕТ

В одном из цехов швейного объединения «Москва» нам показали пульт небольшой вычислительной машины.

— Это наш закройщик. Нет, не из Торжка, с Украины...

Надо заметить, что «Каштан», так называется машина, работает великолепно. Он раскраивает ткани на заготовки, из которых можно сшить модные мужские рубашки, причем с одинаковой тщательностью относится к штапелю и лавсану, льняным и хлопчатобумажным тканям.

Есть у «Каштана» две особенности: он кроит мгновенно — тысячи операций! — и экономно, моментально прикидывая в своем электронном «мозгу» лучшие варианты раскроя.

Там, где самый опытный закройщик может сделать две-три заготовки, «Каштан» выкроит и четвертую. Да еще сохранит все в памяти. Попадись ему снова такой же фасон, он сразу вспомнит оптимальный вариант. И приятно, что «Каштан» уже есть не только на стендах выставки, но и на промышленных предприятиях.

* * *

В зоне отдыха выставки показывают фрагмент пригородного парка — 10 гектаров. Деревья тринадцати пород, две тысячи кустарников, ручейки, дорожки... Уголки Закавказья и Прибалтики рядом. Оттеняя, подчеркивая прелесть и своеобразие соседа.

Так и все на выставке: отовсюду и рядом. Дополняя друг друга, сотрудничая, порой соперничая, собрались на выставке достижения, лучшие из лучших, сработанные руками народов пятнадцати республик.

Иногда говорят: ВДНХ — это праздник. А нам кажется, что значительность выставки как раз в ее будничности...

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Улица Гидростроителей в час пик.

Набережные Челны. Контрасты.

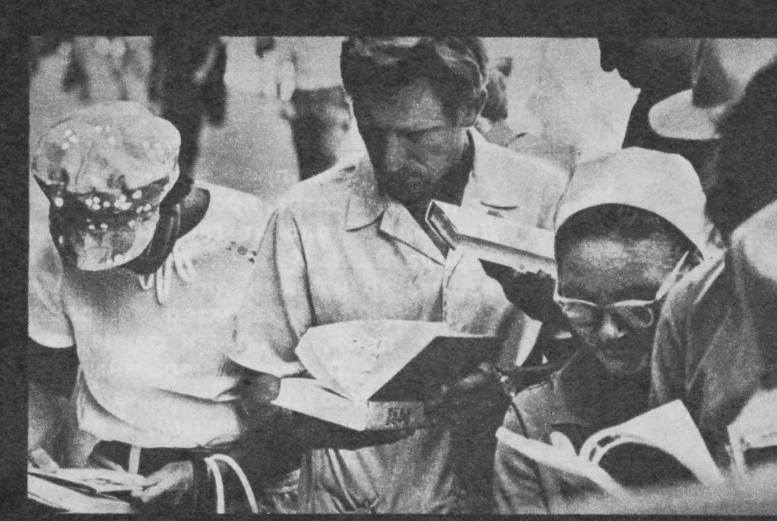

— Здесь будет подземный переход,— говорит главный архитектор города В. И. Черепанов сотруднику института «Татаргражданпроект» Г. К. Буркову.

Будущие строители автомобилей прибывают каждый день...

бы пору я ни видела ее — в розовом ли сиянии весеннего рассвета, зимней ночью, в пору осени,— никогда она не была пустынной и молчаливой. Всегда встретишь тут озабоченных людей с чемоданчиками и рюкзаками, услышишь разноязыкую речь. И все оттого, что на этой

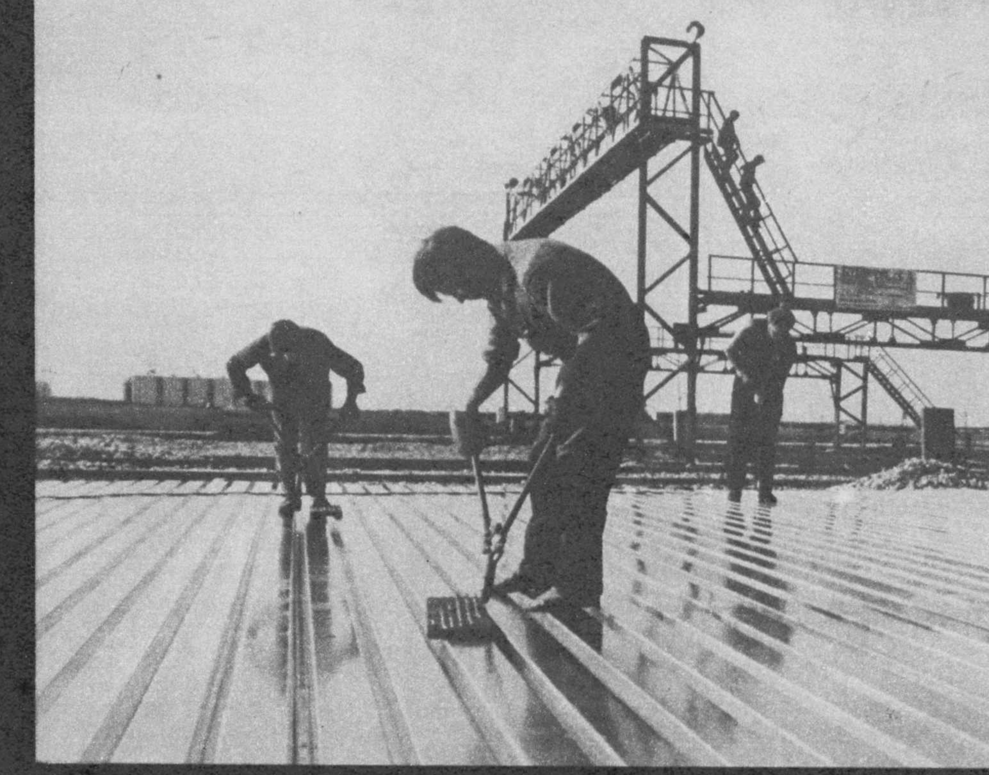
У книжного магазина.

Улица Мусы Джалиля готовится стать главной магистралью.

улице находится штаб гигантской стройки — управление «КамГЭСэнергострой». Его здание первое, если идти от Камы, будто светлый утес на берегу. И появилось на этой улице прежде других.

Невдалеке здание дирекции будущего автогиганта, КамАЗа, окруженное обширными владениями самого беспокойного отдела — отдела кадров. Впрочем, для дирекции приготовлено уже новое здание, на другом конце улицы, в том месте, где она встречается с магистралью, носящей имя Мусы Джалиля, которой и суждено, по замыслу градостроителей, стать главной в Набережных Челнах.

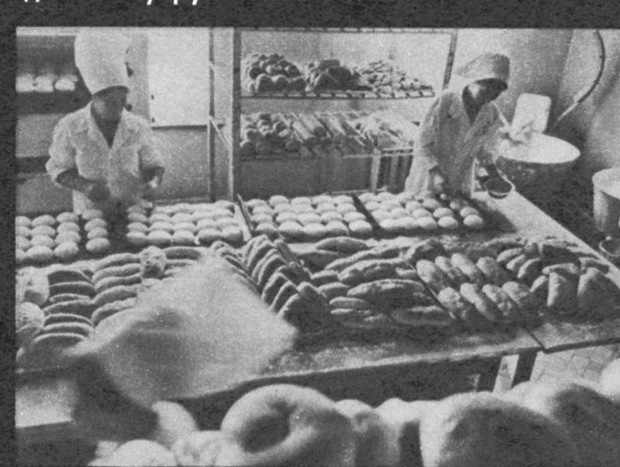
По методу горьковских автомобилестроителей сборка перекрытий заводских корпусов ведется из укрупненных блоков.

Трасса мотопробега, посвященного 50-летию СССР, проходит через Магнитку и Набережные Челны.

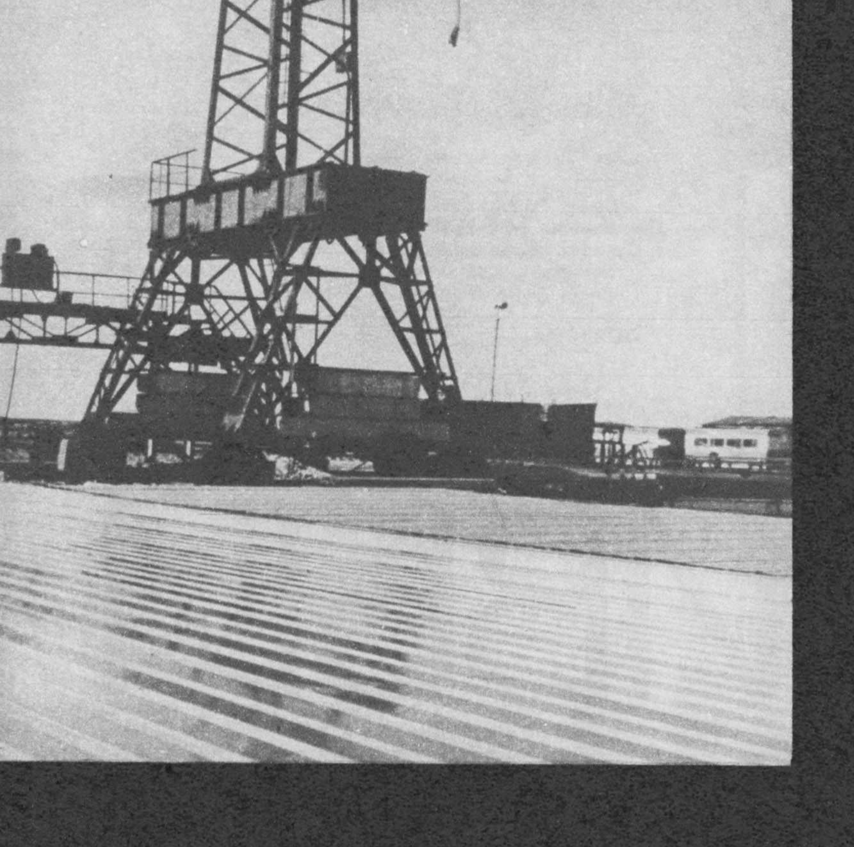
Еще один новый магазин на улице Гидростроителей.

12 тысяч булочек и пирожков выпекает каждый день кондитерский цех столовой № 1.

— Широким проспектом, без малого на три километра, протянется улица Мусы Джалиля,— говорит главный архитектор города В. И. Черепанов.— Пока вся она изрыта траншеями для подземных коммуникаций. Но характер застройки уже виден: пяти-, девяти- и двенадцатиэтажные дома. Побегут скоростные трамваи, пойдут автобусы. Движение транспорта будет очень интенсивным, и проектировщики предусмотрели это: сооружаются подземные переходы и транспортные развязки. Растем!.. Два года назад в Набережных Челнах жило сорок тысяч человек. Сегодня свыше ста тысяч. А будет в три раза больше!

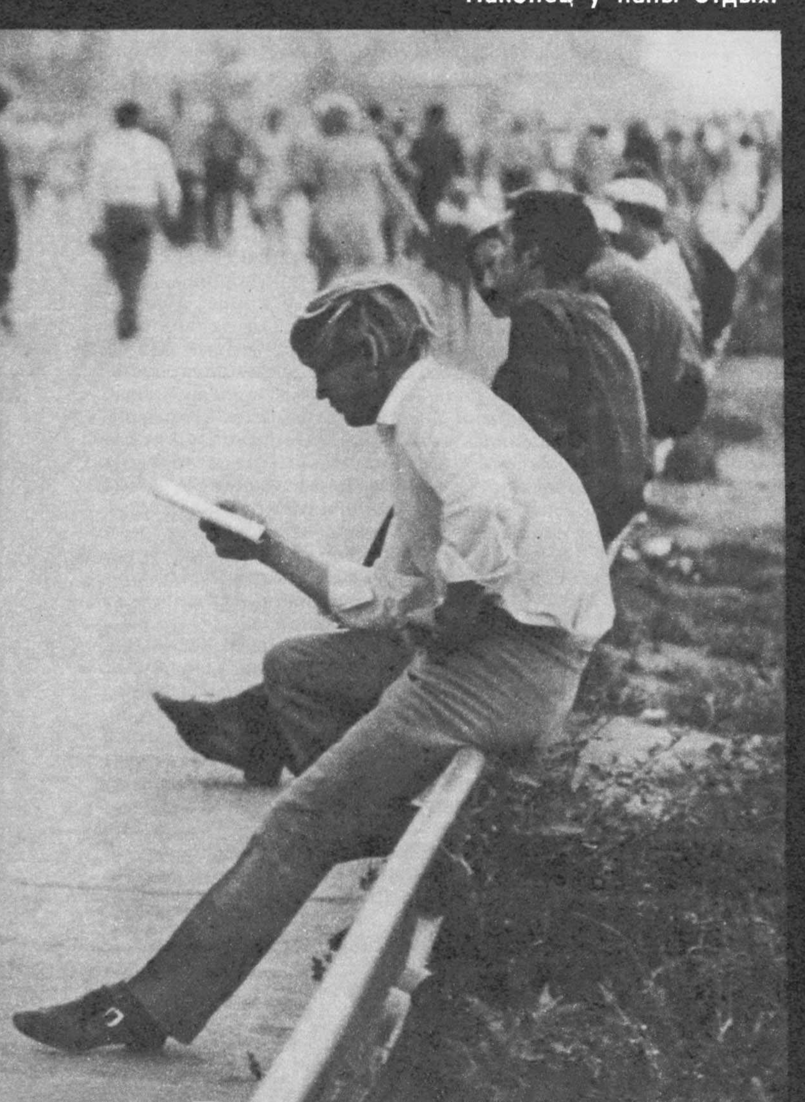

В жаркий воскресный полдень на Каме...

Наконец у папы отдых.

А это — главная рабочая дорога, ведет она на заводскую площадку автогиганта.

Джулиан Мейфилд — видный негритянский писатель, кинодраматург и киноактер — родился на юге США, долгое время жил в Гарлеме. Все его произведения посвящены жизни американских негров. На протяжении многих лет он активно участвует в движении за равноправие цветного населения США, сотрудничает в прогрессивных американских газетах и журналах.

Джулиан **МЕЙФИЛД**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

I

Губерт Кули служил смотрителем четырех доходных домов на Сто двадцать шестой улице в Гарлеме. В одном из них, на первом этаже, он занимал с семьей маленькую казенную квартиру. Душным субботним вечером они с женой сидели в гостиной. Вот уже час как Гертруда читала «Баптистские ведомости», не чувствуя пристального взгляда мужа. «Болван,— думал он,— как я мог на ней жениться! Двадцать пять лет каторги. Как я только выдержал?»

— Пойду, пожалуй, пройдусь,— внезапно объявил он.

— Иди,— сказала Гертруда.

«Не такая жена мне нужна,— рассуждал про себя Губерт, выходя из квартиры,— уткнулась в газету — головы не поднимет. Хоть бы спокойной ночи пожелала. Обругала бы, наконец!.. Раз так, он пойдет к другой, каждый на его месте сделал бы то же самое».

На улице полно народу. В субботний вечер негру не усидеть дома. Люди развалились на ступенях подъездов, торчали в распахнутых окнах, громко говорили, смеялись, распивали вино и пиво. Соседи окликали Губерта, он нехотя кивал в ответ и шел дальше. Это все Гертрудины друзья, ему до них нет дела, пусть и они оставят его в покое! Что общего может быть у него с этими бездельниками? Вести себя не умеют, и детки в родителей пошли. Время позднее, а эти замарашки еще на улице, гоняют мяч, режутся в орлянку и даже в «очко» под фонарями. Когда Губерт пересекал Ленокс-авеню, какой-то негр на «олдсмобиле» едва не сшиб его с ног. Эти парни, стоит им усесться за баранку, совсем теряют голову!

Сестра Кларисса, вдова почившего в бозе дьячка баптистской «Церкви Малой Голгофы», жила одна в двухкомнатной квартирке рядом с Седьмой авеню. Сестра Кларисса и губертовская супруга были церковными активистками, состояли в женском подразделении Общества слуг господних. Священник нередко поминал их в воскресных проповедях, величая обеих женщин не иначе как «столпы церкви», но Губерт находил у них не больше сходства, чем у дня с ночью. Сестру Клариссу он охотно бы взял в жены. Она была сама доброта, кротость и женственность. Такая не станет браниться и перечить мужу. Не чета этой занозе, Гертруде, ворчливой и склочной, ни минуты покоя с ней — сплошные упреки и ругань.

Квартира сестры Клариссы была на втором этаже, окнами на улицу. В тот вечер хозяйка сидела у окна и обмахивалась веером. Завидев на тротуаре Губерта, она радостно захихикала:

— Мистер Губерт! Что это вы тут делаете, интересно знать?

Он ответил, что гуляет без цели, и она осведомилась, почему же он не зайдет перекинуться словечком. Губерт не стал упираться, и вот он уже в ее гостиной.

С тех пор, как Кларисса овдовела, прошло несколько лет, стало быть, в ее легком кокетстве нет ничего предосудительного. Ведь не ее вина, что братья во Христе частенько прогуливаются у нее под окнами. Мужчины не скрывают того, что Кларисса нравится им, но она умеет постоять за себя и ничего лишнего не позволит. Несмотря на то, что ей за сорок, Кларисса все еще миловидна и привлекательна, темная родинка на щеке прямо-таки сводит мужчин с ума. Губерту был особенно по душе ее высокий мелодичный смех. Он рассказывал что-нибудь забавное, и она хохотала, как это умеют только на Юге, всплескивала руками, приговаривая: «Ах, мистер Губерт, перестаньте! Уморите женщину своими глупостями». А он из кожи вон лез, лишь бы ее рассмешить, и она смеялась до слез, хлопала Губерта ладошкой по колену, его от этого бросало в жар.

Распрощавшись, Губерт решил пройтись по Ленокс-авеню: так не хочется возвращаться домой после встречи с сестрой Клариссой! На углу Сто двадцать пятой улицы, взгромоздившись на мусорный бачок, надрывался черный агитатор. Человек тридцать остановилось послушать его. Агитатор был смазливым малым с густыми бровями и пышными, ухоженными усами. На черном, как вар, лице пламенел язык. Его протяжный вест-индский выговор резал слух: «Че-ерные! Проснитесь! Гоните белых из Гарлема. Они грабят нас, бесчестят женщин, нашим детям жрать нечего, им не хватает школ. Африка — вот наша родина! Проснитесь!»

Когда он кончил, слушатели громко зааплодировали, и Губерт тоже хлопал вместе со всеми, хотя ему вовсе не хотелось в Африку: слишком много там негров!..

Он побрел дальше. На Сто двадцать четвертой улице старик с бритой головой босиком отплясывал на тротуаре чечетку. Видать, когда-то он был профессионалом, так ладно и легко двигался по кругу, выбивая пулеметный ритм голыми ступнями. Сделав под конец шесть или семь пируэтов, старик остановился, грустно покачал головой и выкрикнул скороговоркой:

«Старый Билл Робинсон в могиле гниет,
А Чарли-перышко все пляшет и поет!»

Потом, наградив сам себя хриплым хохотом и громкими аплодисментами, добавил: «Ах, чтоб ты сдох, шут гороховый!» На нем была белая рубаха в широкую зеленую полоску и розовые штаны, завернутые по колено, чтобы никто не усомнился, что он выбивает дробь босыми ногами. Но прохожие не обращали на него внимания, и старая шляпа, лежавшая на тротуаре, оставалась пустой. Губерт разозлился на прохожих, не удостаивавших забавного танцора и взглядом. У него, конечно, глупый вид, но ведь человек для них старается! Губерт проникся к старику внезапным сочувствием, бросил в шляпу десятицентовик и пошел дальше.

Молодая женщина нарочно задела его бедром: «Привет, папочка!» Губерт первый раз ее видел, и его покоробила такая фамильярность. Какой он ей папочка? Горделиво отвернувшись, он прошел мимо. Со Сто двадцать шестой улицы доносилось песнопение. Церквушка с побеленными окнами с виду ничем не отличалась от соседних магазинов. Прихожане скандировали слова гимнов, топали в такт ногами и хлопали в ладоши:

«Господи, помилуй, избавь от проклятья —
Атомные бомбы пострашней распятья!»

На дверях мелом было написано: «Церковь счастья — святости». Гимну, казалось, не будет конца. Исступленно кричали и падали в обморок женщины, но служба продолжалась.

На Сто четырнадцатой улице в подъезде смуглый подросток целовал бронзовую девчонку. Поцелуй был долгим и чувственным, при этом парочка раскачивалась в такт музыке, доносившейся из соседней пивной. Зрелище это возмутило Губерта до глубины души. «Как дурно воспитана наша молодежь,— подумал

он.— Ничего удивительного, что им не удается выбиться в люди».

Потом на глаза Губерту попался бар, где мужчины как сельди в бочке толпились у стойки. Проигрыватель был запущен на всю мощь, люди хохотали, старались перекричать его рев. Губерт не мог смотреть на подобные сцены без отвращения. Сто лет без малого, как негров освободили, а они так ничему и не научились. Вместо того, чтобы копить деньжата, спускают все на выпивку. Вот почему черные у белых в ярме! Белые знают деньгам счет, цента зря не потратят. Ну ничего, даст бог, Губерту выпадет счастливый номер и он докажет, что и у негра может быть голова на плечах.

Еще на дальних подступах к Сентрал Парку Губерт услышал испанскую речь: на тротуаре толклись пуэрториканцы. «И зачем только им селиться в Гарлеме,— недоумевал Губерт,— с их цветом кожи можно снять квартиру в любом районе». Был бы Губерт такого цвета, так бы его в Гарлеме и видели!

На Сентрал Парк опустилась мягкая, ласковая ночь. По дорожкам под руку прогуливались парочки. Губерт выбрал длинную скамью, на которой уже сидели мужчина и женщина. Мысли Губерта обратились к Сан-Франциско, куда он уедет, как только выиграет в тотализаторе. Говорят, на Западном побережье черные живут припеваючи. Такой уж город Фриско, что там не полодырничаешь. Зато трудолюбие вознаграждается. У некоторых негров там даже собственное дело. Стоило Губерту представить себе, как он уедет из Нью-Йорка, и на душе становилось хорошо.

— Вы случайно не были в Сан-Франциско?— неожиданно для самого себя спросил он у соседки по скамье.

Женщина вздрогнула, перевела взгляд на своего спутника, мужчину лет тридцати. Тот подался вперед, чтобы разглядеть Губерта.

— Что ты сказал, приятель?

Губерт не ответил. Непонятно, почему так рассвирепел парень.

— Ты знаком с этой дамой?

— Нет, не знаком,— ответил Губерт, и тут он смекнул, что парень подумал, будто Губерт заигрывает с его девушкой. Какая чушь, в его-то возрасте!..

— Тогда какого черта тебе от нее нужно?— Мужчина поднялся со скамьи. У него было широкое обветренное лицо с оттопыренной нижней губой.

— Не трогай его,— вступилась за Губерта женщина,— он ничего плохого не имел в виду.

— Проваливай, пока цел, дружище!..

— Ах, не надо!..— Женщина с жалостью смотрела на Губерта.

— Убирайся, папаша, живо!

Ничего не поделаешь, Губерт встал со скамьи и пошел прочь. Подонки вроде этого типа любят покрасоваться перед девицей. Был бы Губерт помоложе да поплечистей, так бы отделал ублюдка, что родная мать не узнала б!

— Бедняга,— вздохнула женщина,— он безобидный, просто малость не в себе.

— В парке полно психов,— донесся до Губерта голос парня,— да и во всем городе их пруд пруди. Когда только возьмутся за них!

Губерт брел по Сентрал Парку, уходя все дальше от Гарлема. В этот субботний вечер он так и не попал домой.

II

Вот уже пять лет Губерт Кули был одержим одним стремлением: оставить семью, уехать хоть на край света, лишь бы подальше от Гарлема, и начать новую жизнь. Перебраться в другой город, лучше всего в Сан-Франциско, открыть скромное дельце. У него для этого достаточный опыт. В тридцатые годы он был сначала хозяином двух бакалейных лавок, потом — химчистки, а после нее — кегельбана. Правда, все его предприятия прогорали, но это не обескураживало Губерта. Он был уверен, что достаточно ему теперь раздобыть несколько тысяч, как все пойдет на лад. Вот почему едва ли не каждый день Губерт выкраивал пять-шесть долларов, чтобы сыграть в тотализаторе. Сумма эта почти равнялась его дневному заработку, и для многих было непостижимо, как он сводит концы с концами.

Ему вот-вот должно повезти. Все в руках господа, у которого с Губертом сложились весьма своеобразные отношения. Губерт дер-

жал их в тайне от прихожан «Малой Голгофы», иначе ему бы здорово влетело. Свято веря в то, что всевышний в ответе за все земные дела, Губерт его одного винил в своих неурядицах. Ведь бог прекрасно знает, что трудолюбивый и честный Губерт заслуживает лучшей доли; чем он хуже тех негров, что правдами и неправдами вскарабкались наверх? Если господу угодно, чтобы Губерт не разуверился в нем, пускай покается в своих ошибках и поскорее исправит их, сделает так, чтобы Губерту наконец улыбнулось счастье.

Губерт не привык обращаться к богу стоя на коленях, и в «Малую Голгофу» по воскресеньям он ходил скорее по привычке, чем из духовной потребности. Губерту было странно слышать истовые молитвы прихожан. Как они смеют повышать голос на его личного друга! Сам он беседовал с богом запросто, где угодно: дома, на улице, за работой. Правда, в последнее время их закадычная дружба подверглась серьезному испытанию. Губерт считал себя обделенным. Ему уже шестой десяток, и господу надо поторапливаться, а то будет поздно. Он не терял надежды, что господь вот-вот спохватится и справедливость восторжествует. А иначе и жить не стоит.

Прошло уже больше суток, как Губерт вышел из дому. Теперь он сидел нога на ногу в южном углу Сентрал Парка. Приближалась полночь, он сильно устал. Он побывал в Бруклине, Квинзе, Бронксе и подумывал уже, что надо возвращаться. Впервые со свадьбы он не ночевал дома. Гертруда, наверное, переполошилась. Но ему на это плевать. Важно то, что деньги кончились, а скоро снова захочется есть.

Высотные гостиницы на другой стороне улицы глядели через парк на север, туда, где Бронкс и Гарлем. Они были похожи на стеклянные сторожевые башни, охраняющие искрящийся центр Манхэттена. Губерт зачарованно глядел на роскошные мансарды, зазывно мигавшие в ночи. Дух захватывает от такой высоты. Вон где жизнь! Ночь была на редкость душной, но там дует свежий ветерок. А тишина какая — не то, что на Сто двадцать шестой улице, где целый день кричат и проказничают дети, а по ночам пьянчуги с Ленокс-авеню переворачивают все вверх дном.

Губерт никогда не переступал порога такого отеля, а мансарды видел только в кино или на фотографиях в журналах. Но, вглядываясь в мерцающие огни, он представлял себе высоченных элегантных мужчин и нарядных холеных женщин, видел, как они курят, пьют ледяное шампанское из хрустальных бокалов. Ему чудилась их вежливая, образованная беседа, учтивый, негромкий смех.

К подъезду подкатило такси и остановилось под ярким фонарем. Привратник в сине-белой униформе распахнул дверцы и помог пассажирам выйти. Им было за пятьдесят: низенький толстяк с тросточкой и женщина в черном вечернем туалете, ростом повыше своего спутника. В ее глянцевитых волосах отразились огни гостиницы, точно пламенем полыхнуло. Громко разговаривая и смеясь, они прошли мимо отдававшего им честь привратника, и стеклянные двери сомкнулись за ними.

Губерт часто задышал от волнения. Как все просто и в то же время возвышенно, великолепно. Привратник вытянулся в струнку, а они его и не заметили. Держатся так непринужденно, словно привыкли ко всей этой роскоши.

«Родиться бы мне белым,— думал Губерт,— передо мной открылись бы все двери». Он знал, конечно, что и среди белых полно бедняков, но применительно к себе самому эти два свойства считал несовместимыми. Бог часто огорчал Губерта, но на такое вероломство он все же не способен. Быть белокожим — это все равно что в сорочке родиться, и ежели господь сделал бы Губерту эту великую милость, он бы позаботился и об остальном.

Шел уже второй час ночи, когда у входа в отель остановился полисмен поболтать с привратником. Тот кивком головы указал на Губерта. Увидев, что полисмен направляется к нему, Губерт напомнил себе, что у него нет ровно никаких оснований для беспокойства. Сентрал Парк — место общественное, он не бродяга какой-нибудь, у него есть и работа и дом. И вид приличный: синий костюм в полоску и галстук в тон, башмаки начищены до блеска. Словом, солидный гражданин, а не какой-то там забулдыга. И все же он не сумел побороть смутного чувства вины при виде блюстителя закона.

Полисмен остановился в нескольких футах от скамьи, чтобы хорошенько разглядеть маленького негра. Лицо сморщенное, нервное. Жарища такая — дышать нечем, а он в плотном темном костюме. Может быть, иностранец, из Африки, с Гаити или еще откуда. Может, в ООН работает. Кто его знает? Как бы не нарваться на неприятности. Полисмен за пятнадцать лет службы научился осмотрительности.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер!— сухо ответил Губерт.

— Что вы здесь делаете?

— Разве не видите — сижу!— отрубил Губерт, радуясь тому, какой звонкий и уверенный у него голос.

— Я просто спросил, папаша.

— А я ответил. И у меня есть имя.

— Какое же?

— Вас это не касается.

— Что-то вы поздно гуляете,— сказал полицейский.

— Вы тоже, что из этого?

Губерт чувствовал, что держится прекрасно, но глубоко сидевший в нем страх и подобострастие перед белым человеком шептали ему, чтобы он не заходил слишком далеко. Поэтому он прибавил другим, жалобным тоном:

— Я ничего не сделал. Просто сижу здесь, и все. Разве нельзя?

На лице полисмена отразилась решимость. Он сделал два шага вперед, подошел вплотную и остановился в непринужденной позе, держа руки на поясе. Было ясно, что человечек трусит.

— Идите домой, папаша. Время позднее, пора на боковую.

Стоило Губерту подняться и уйти, на том бы дело и кончилось. И достоинства своего, можно сказать, не уронил бы. Но как на грех полисмен снова назвал его «папаша», а Губерт этого терпеть не мог.

— Иди на все четыре стороны, если хочешь,— Губерт прибег к старинному южному обороту,— а я здесь останусь!

Он скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу. Парк общественный, и ему никто не запретит сидеть здесь. В конце концов он гражданин! Нельзя всю жизнь мириться с их придирками, на его стороне все права...

Губерт не успел сообразить, что происходит, как полисмен схватил его за плечи, оторвал от скамьи, поворотил кругом, запустил руку Губерту под пиджак, ухватился за брючный ремень и дернул вверх. Чтобы не задохнуться, Губерту пришлось встать на цыпочки. Все это случилось в одно мгновение.

— Такая славная, тихая ночь,— прорычал полисмен, от его спокойствия не осталось и следа,— а ты все испортил!

Не опуская руки, он подтолкнул Губерта и едва не понес его по направлению к площади Колумба. Губерт, понятно, не стал сопротивляться, только тужился делать вид, будто идет сам, по собственной воле. Правда, из этого ничего не вышло. Им навстречу попалась парочка. Губерт не разглядел их лиц, но услышал смех и понял, какой потешный у него вид. Штаны задрались — стыд и срам!

На площади они остановились, пережидая поток машин. Оба тяжело дышали.

— Тебя как звать, приятель? — спросил полисмен. И тут Губерту пришла в голову замечательная, просто-таки счастливая мысль. В отместку за унижение он не назовет своего имени.

— Зови меня просто папаша!

Но полисмен обозвал его сукиным сыном и поволок в участок. Видно было, что он закипает от злобы, и Губерт обрадовался. Значит, он посчитался с ним! Страх улетучился. Пусть его пытают огнем, поливают кипящим маслом, вырывают зубы, все равно он не назовет себя. Ни за что!

В участке всем было на него наплевать. Они спросили разок, как его звать, он не ответил, они пожали плечами и снова заговорили о бейсболе. Все сходились на том, что «Гиганты» находятся в отличной форме, а «Пройдохи» неважно стартовали, но постепенно разыгрываются и тоже займут призовое место. Потом подробно обсудили два предыдущих сезона, и лишь после этого дежурный сержант вспомнил о Губерте. «Очередной псих»,— решил он, и подчиненные с ним согласились.

— Эл, отведи его наверх,— приказал сержант.

— О'кей, посажу его к Пастору. Того завтра переводят в Белвью.

— Черт возьми, Пастор опять здесь! Что себе думают парни из психички? Почему его выпустили?

— Они говорят, что он самый заурядный псих, в городе таких тьма-тьмущая, для всех места не хватит.

Полисмен взял Губерта за руку и повел наверх. Поднявшись на два лестничных марша, он отпер дверь, и сразу запахло дезинфекцией и уборной. Полисмен втолкнул Губерта в тесную камеру и задвинул засов.

Губерт застыл на пороге. Из темноты доносилось несвязное бормотание, отдаленно напоминавшее молитву, перемежаемое тяжелым дыханием спящего.

— Господи... крест тяжелый... господи... покончишь... покончишь с сатаной... высокий и чистый... душу сохрани... господи... он искушал меня, но тщетно... тщетно... господи... тщетно... аминь.

Голос был скрипучий и хриплый. А что, если этот тип буйный!.. Губерт повернулся к двери, стараясь нащупать ручку, но ее и в помине не было. Он толкнул дверь, она не поддалась. Губерт хотел закричать, но побоялся нарушить жутковатую тишину, сковавшую здание. Постепенно глаза привыкли к темноте, и он разглядел спящего на топчане человека. Тот лежал лицом к стене, поджав колени, бубнил молитвы и чесался во сне. Это и был Пастор.

Губерт на цыпочках подошел к топчану и сел на краешек, стараясь не разбудить своего сожителя.

— Господи, как ты страдаешь... господи...

Губерт никогда не сидел в тюрьме и не знал, как ему быть. В голове носились обрывки мыслей. Постепенно его сморила усталость, ведь он не сомкнул глаз в предыдущую ночь. Но спать нельзя: Пастор может проснуться и застать Губерта врасплох. Он только откинется и опустит веки на несколько секунд. Губерт так и сделал, зевнул и через миг уже крепко спал.

Никогда еще ему не снился такой великолепный сон. Обычно были непонятные, разрозненные видения — точно кинолента, склеенная из множества кусочков.

Но этот сон был отчетливым и ясным. Губерт и сестра Кларисса, разодетые в пух и прах, ужинают в вагоне-ресторане мчащегося в Сан-Франциско экспресса. Черные официанты угодливо улыбаются и кланяются, ставя блюда на столик.

— Где ты взял деньги?— спрашивает она.

— Поставил на номер 417.

— Откуда деньги?

— Я сыграл 417.

Это повторяется снова и снова.

— Как ты достал деньги?

— Выиграл мой номер — 417.

Сестра Кларисса смеется и кладет ему ладонь на колени. Ему так хорошо, что он едва не кричит от счастья. Но тут поезд въезжает в туннель, и все исчезает в плотном мраке.

Губерт вскочил и сразу вспомнил, где он. Нельзя спать. Какое счастье, что Пастор не проснулся. А может, он и не буйный. Такой же бедняга, как Губерт, и над ним тоже измываются полисмены. С улицы донесся приглушенный гудок автомобиля. Полицейский участок был объят сном, и только Губерт бодрствовал в его чреве.

— Не по своей воле... господи...— бормотал Пастор.

Случалось, что и наяву Губерт представлял, как заживут они с сестрой Клариссой в Сан-

И. Клычев (Ашхабад). ЗАВТРА ПРАЗДНИК.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

С. Ишенов (Фрунзе). ПРИТЧА.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

Франциско, но эти грезы казались несбыточными. Ведь она же набожная христианка. И все-таки никому не будет вреда, если Губерт помечтает. Чудесный сон подогревал в нем надежду.

Губерт не дурак, чтобы не верить в сны, особенно в такие, с цифрами. Тем более что он хорошо запомнил их.

Губерт снова прилег, подложив под голову ладонь. Четыре, один, семь... четыре, один, семь...

— Четыреста семнадцать! — произнес он вслух. «Звучит неплохо. Если утром меня выпустят, сразу же поставлю на 417,— решил Губерт.— Лучше проиграть несколько долларов, чем потом кусать локти. Так оно и бывает: смалодушничаешь, не сыграешь — и обязательно выпадет твой номер».

Тут его снова охватила сонливость. Он зевнул и начал думать, как изменится его жизнь, когда он женится на сестре Клариссе. Как там говорится? Жизнь только начинается в сорок лет! А может, в пятьдесят? Ничего, Губерт Кули еще себя покажет!

«Завтра же поставлю на 417,— повторил он про себя,— должно же мне повезти наконец!»

— Аминь,— буркнул Пастор.

III

В то же утро, около шести часов, у стола дежурного сержанта в полицейском участке на Сто тридцать пятой улице стоял молодой негр с непроницаемым, бесстрастным и угрюмым лицом. Пока грузный сержант разговаривал по телефону, негр щелкал языком и переминался с ноги на ногу. Сержанту было за сорок, но на его щеках цвел мальчишеский румянец. Ну и толстяк, прямо чудовище! Как ни был молодой человек озабочен своими делами, все же невольно стал прикидывать, сколько этот боров может весить. Фунтов двести пятьдесят, если не все триста. Как только его взяли в полицию? Поди, раньше таким не был, на казенных харчах отъелся...

Сержант шумно втянул воздух и со стоном зевнул в трубку. Кожа на лице и шее разбилась на тысячу кусочков. Под утро так приятно вздремнуть. Сущая каторга эти ночные дежурства в Гарлеме. Покоя нет от черных, галдят, точно в праздник. И делается это нарочно, чтобы не дать ему соснуть, лишить такого удовольствия... Лениво поблагодарив кого-то, сержант повесил трубку, снова протяжно зевнул и перевел взор на стоявшего перед ним молодого человека.

Джеймс Ли Кули был чернее среднего американского негра. Его чернота была вязкой, сплошной. Не высок и не низок, ладно скроен, он казался сгустком мрачной силы. Глаза как у подростка: большие, умные, неуступчивые. Но держался он как взрослый, а выражение лица было даже чересчур серьезным для его лет. Люди с такой внешностью остаются загадкой для окружающих.

«Черный как смоль... лицо странное... точно неживое... и мысли у него черные,— думал сержант, завершая зевок нежным умиротворенным посапыванием.— О чем это я говорил по телефону? Ах, да!»

— Я был прав. Несколько часов назад в центре города задержали человека, по описанию напоминающего пропавшего Губерта Кули. Судя по всему, какой-то псих, отказался назвать себя. Что вы на это скажете, молодой человек?

Джеймс Ли ощутил смутное неудобство, словно бы он совершал предательство. Речь идет о его отце, а этот толстяк мало того что посторонний, к тому же еще и белый! А впрочем, все равно...

— Похоже, что это он,— ответил Джеймс Ли.

— Сходите и взгляните сами,— предложил сержант,— за глаза сказать трудно. В городе тьма всяких придурков. Но приметы совпадают: худой, тщедушный негр. Говорите, в субботу пропал? Недавно, найдется еще.

— Мать беспокоится,— сказал Джеймс Ли.— Никогда с ним такого не было.

— Знаете полицейский участок на Пятьдесят четвертой улице, рядом с Восьмой авеню? — спросил сержант.

Джеймс Ли ответил утвердительно. За вычетом суровых и незабываемых двадцати трех месяцев, проведенных в армии дяди Сэма, все свои двадцать шесть лет он прожил в Нью-Йорке. По дороге в школу или на обратном пути они с дружками учиняли дебош в подземке, и взбешенные кондукторы гнались за ними вдоль грохочущих вагонов. И был случай, когда он попался двум полисменам, белому и черному. Обоих трудно было заподозрить в любви к детям. Пара оплеух — и он летит на тротуар Четырнадцатой улицы... Он приставал к девчонкам в поездах, девчонкам в коротких носочках, жующим резинку и трещащим, как сороки; щипал их, когда думал, что никто не видит. А когда вырос, ездил в этих поездах с длинноногими девицами на вечеринки в подвалы Бруклина и Бронкса, в кино «Палас» или «Кэпитол» и на безумные танцульки в «Палладиуме» по субботам. Были еще холодные, плоские, серые ночи, когда он катался из конца в конец, из Бруклина в Бронкс, потому что был пьян и просыпал свою остановку. Словом, пусть сержант не сомневается — Джеймс Ли найдет тот полицейский участок.

Но полисмен все-таки стал подробно объяснять дорогу, несколько раз повторив:

— И не забудь сесть в головной вагон, приятель.

— Спасибо,— буркнул Джеймс Ли, подумав про себя, что белые считают всех негров тупицами. Впрочем, надо отдать сержанту должное, он старался помочь и вообще держался по-человечески.

— Спасибо,— повторил на прощание Джеймс Ли и вышел на улицу.

«В каком я дерьме,— думал Джеймс Ли Кули,— рыпаюсь туда-сюда, сплю с кем попало. К черту такую жизнь! Мне уже двадцать шесть, пора браться за ум!»

Он сел в головной вагон подземки на Сто двадцать пятой улице и протолкался к самой кабине машиниста. Отсюда можно глядеть вперед, в черный туннель. Рельсы, освещенные передними фарами мчащегося поезда, будто прыгали под колеса. Его будущее как этот туннель, думал Джеймс Ли, вглядываясь в темноту. Он несется сам не знает куда, очертя голову, потеряв управление.

Все у него идет не так, не клеится. Во-первых, родители. Конечно, надо чем-то жертвовать ради них, но всему есть предел. Они уже пожили в свое удовольствие, а что он видел? Отец не должен был уходить из дому, тогда бы Джеймсу Ли не пришлось тратить время на розыски. Понятно, они стареют, и жизнь их редко баловала. Но разве можно сравнить родительские неприятности с тем, что довелось хлебнуть ему? Два года назад он был в Корее, в самом пекле, и один черт знает, как уцелел. А Губерт Кули войны и не нюхал, так на что же ему жаловаться? Дать бы ему хорошего пинка под зад — вся бы дурь вылетела!

Но самая большая проблема Джеймса Ли — это Эсси, его девушка. Решить бы наконец, как быть с нею, все остальное приложится. Она ждет его сейчас в комнате на Сто двадцать четвертой улице. Спит еще, наверное, свернувшись калачиком на огромной железной кровати... Черта с два! Давно проснулась и ругает его на чем свет за то, что он оставил ее одну на целую ночь, и уже приготовила, чем запустить в него, как только он откроет дверь.

Поделом ему! Другой бы парень, если девушка работает в Уайт-Плейнз, держал свободными те вечера, когда она может выбраться в город. Можешь не любить ее — он до сих пор не разобрался в своих чувствах к Эсси,— но если она порядочная девушка и, как говорится, тебе по вкусу, то нечего отравлять ей жизнь. Теперь несколько дней к Эсси не подступиться. В конце концов она, конечно, оттает и сама придет. Он ее поцелует, приласкает, ну, купит чего-нибудь, и все пойдет по-прежнему. Только на этот раз она будет дуться дольше обычного — он сам виноват.

Поезд мелькнул мимо станции на Восемьдесят шестой улице. У Джеймса Ли вдруг засаднила ягодица. Протолкавшись вплотную к кабине машиниста, он запустил руку под пиджак, в задний карман брюк, чтобы незаметно почесаться. В жаркие дни рубец на ране всегда начинал зудеть от пота. Когда это случалось, Джеймс Ли изобретал особую брань в адрес армейских хирургов, уверявших его, что они извлекли все осколки.

Он и сам не знал, почему, но стоило ему остаться в комнате наедине с Эсси, как его охватывало беспокойство, такое чувство, словно он загнан в угол. Порою он уговаривал себя, что любит Эсси, что должен жениться и заботиться о ней. А в иные дни был уверен, что она лишь очередная женщина, с которой ему нравится спать, и нельзя относиться к этому серьезно. В такие минуты ему хотелось от нее удрать. Так было и накануне вечером.

— Бэби, я скоро вернусь. Схожу в участок, справлюсь об отце.

— О'кей, Джеймс Ли.

Она обошла кровать и поцеловала его таким долгим поцелуем, что он едва не задохнулся. Мягко отстранившись, он вышел.

Он действительно думал вернуться. Это был первый день ее недельного отпуска. Эсси долго умоляла свою хозяйку, миссис Орнстейн, прежде чем та согласилась отпустить ее. Сдалась, лишь когда Эсси пригрозила, что уйдет совсем. Эсси с волнением предвкушала целую неделю в обществе Джеймса Ли, и он был тоже рад. Но как только они остались одни в комнате, он почувствовал, что должен сбежать, хотя бы ненадолго. Как ни странно, из всех женщин, с которыми он встречался, только Эсси внушала ему такое чувство.

Выйдя из дому, он заглянул в соседний бар, где наткнулся на Джеки и Гарольда. Это были его ближайшие дружки еще со школьной поры. Гарольд успел жениться и переехал на Лонг Айленд, а Джеки вел жизнь гарлемского гуляки. Виделись они редко, так что эту случайную встречу надлежало отпраздновать. Вначале Джеймс Ли твердил про себя, что надо бы вернуться к Эсси, но чем дальше, тем это казалось все менее и менее важным. Наутро он мог припомнить лишь обрывки разговоров, чьи-то голоса, заказывающие джин, содовую, лед и — что за странную смесь пила та баба — ах да, виски с молоком и сахаром.

— Отнесите этим леди еще по бокалу и спросите, можно ли нам к ним подсесть,— приказал Джеки официанту в «Клубе ветеранов». Джеки был одет с иголочки и денег не считал. Он говорил, что зарабатывает пением, но Джеймс Ли не верил, потому что редкие ангажементы, которые получал Джеки в крошечных гарлемских ночных клубах, продолжались всего неделю, от силы две.

Девушек подцепили. Это не были обычные потаскухи, и Джеки пришлось-таки попотеть, прежде чем они оправились от смущения.

— Кроме шуток! Вы действительно из Джорджии?

— Да. А в чем дело?

— Что я вам сказал, ребята: вот типичная девушка из Джорджии!

— Неужто так и сказал?

— Слово в слово,— поддержал друга Гарольд, давно собиравшийся вставить словечко, чтобы видели, какой он рубаха парень, хотя это было и не так. Гарольд преуспел больше всех. Он работал оформителем в одной рекламной фирме. «Талант и усердие преодолевают цветной барьер» — так писали о нем в журнале «Эбони».

— Слово в слово: она из Джорджии.

— Как вы догадались?

— По вашему свирепому взгляду,— сказал Джеки,— кто не знает, что женщины в Джорджии чертовски свирепы.

— Врете вы все. Я сразу сказала девочкам: берегитесь, вон сидит прирожденный враль.

— Что вы будете пить?

— «Том Коллинз». Здесь так душно.

— А ты, милашка?

— Виски с молоком и сахаром, красавчик.

— Говорил же вам, эти девочки из Джорджии с большим приветом. Радость моя, брось выпендриваться!

— Пей, что хочешь, а я выпью, что мне нравится.— Она подмигнула Джеймсу Ли, который пока помалкивал. Он подмигнул в ответ и решил, что она очень даже ничего.

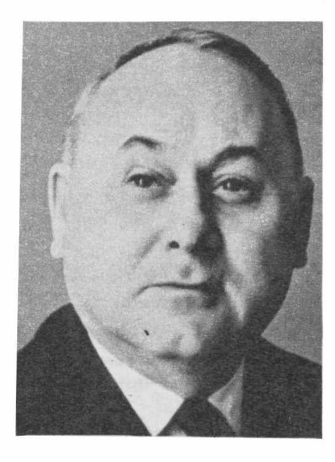
— Официант!
— Как случилось, девушки, что вы одни в воскресный вечер?
— Мы сходили на танцы, а потом решили попировать.
— А за кого вы болеете?
— За «Пройдох», конечно. Все за них болеют.
— Да ну, там одни негры! Раньше я болел за «Бруклинцев», потом за «Янки», но и туда набрали черномазых. Толку от них не будет.
Женщины возмутились:
— Приятель, хватит чушь пороть.
— С виду цветной, а рассуждает хуже белого!
— Кроме шуток. На днях на стадионе, когда на поле выбежали одни черняшки, я пошел в кассу и потребовал вернуть деньги за билет.
Женщина, которую звали Бернис, отодвинула стул и встала.
— Я не намерена слушать этот бред.
— Ну что ты! Выпей лучше. Это же шутка. Я и сам болею за «Бруклинцев». Джеки Робинсон — мой двоюродный брат.
— Да ну.— Бернис снова села.— Не может этого быть!
— Факт! У нас даже имя одинаковое. Он Джеки, и я Джеки!
Все засмеялись.
— Зачем вы таскаете за собой этого психа? — спросила Бернис.
— Потому что у него деньги,— сказал Джеймс Ли.
— Пойдем в другое место,— предложил Гарольд.
— Допивайте, девочки,— заторопил Джеки.— Знаю я один подвальчик на Сто двадцать третьей улице!.. Допивайте скорее: жизнь коротка!
Они быстро разобрали девушек. Джеймсу Ли досталась та, которую звали Лотти...
Он проснулся рано и смог избежать того, что всегда сопутствует скорым связям,— вымученной фамильярности, неискренних обещаний, неловкости перед чужим человеком.
На улице светало. Теперь уже нет смысла торопиться к Эсси. Надо придумать, что он ей скажет. Поравнявшись с полицейским участком на Сто тридцать пятой улице, Джеймс Ли вспомнил о Губерте.
И вот он едет в поезде метро, стоя у кабины машиниста, и глядит в туннель. Красные, зеленые и желтые огоньки пунктиром прорезали мрак. Быть может, если долго всматриваться в темноту, он найдет выход из запутанного лабиринта своей жизни. Но туннель внезапно взорвался ослепительным светом станции Колумба, выложенной черно-белыми изразцами. Поезд с грохотом затормозил. Шипя, раскрылись двери, и пассажиры ринулись из вагонов. Джеймс Ли повернулся спиной к кабине машиниста, почесался напоследок, потом протиснулся в дверь и быстро пошел к выходу.
— Это он,— сказал Джеймс Ли.

Человечек в помятом костюме, с красными от недосыпа глазами — его отец, чудак и фантазер со Сто двадцать шестой улицы.
«Я знаю и не знаю его»,— думал Джеймс Ли. Считалось, что семья состояла из них троих, но отец, сколько помнит себя Джеймс Ли, всегда витал в облаках. Он возвращался домой из лавки, или магазинчика, или кегельбана и вслух предавался мечтам за ужином.
— Вот погодите,— твердил он,— скоро я своего добьюсь.
С детства Джеймсу Ли врезался в память хриплый, неестественно бодрый голос, суливший им деньги, вкусную еду, просторное жилище. А жалкая конура с загаженными стенами и вонючим подъездом, где за окнами грохочет надземка,— это лишь недоразумение, которое вот-вот рассеется, как дурной сон. Джеймс Ли давно понял, что в словах отца не было ни крупицы правды и что жалкая конура — это не дурной сон, а самая что ни на есть действительность. Да, этот человек — его отец, но, по существу, их ничто не связывает, они чужие, и так было всегда.
— Разве он не знает,— бубнил дежурный сержант,— чем это чревато? Околачивается где не следует. А случись что — кража, налет или там изнасилование,— сразу бы подумали на него.
Джеймс Ли заверил сержанта, что у отца никогда не было неприятностей с полицией. Он ручается: Губерт не будет впредь слоняться по паркам. Сержант еще поворчал, потом открыл большущую книгу и начал писать. Через некоторое время он поднял голову и уставился на Губерта.
— Теперь хоть скажешь, как тебя зовут?
Губерт что-то промямлил. Лицо сержанта внезапно покрылось багровыми пятнами.
— Отвечай, ты!— заорал он не своим голосом.— Или говорить разучился?
Губерт набрал в легкие воздух, прочистил горло и повторил:
— Меня звать Губерт Кули.
— Адрес, где и кем работаешь?
— Я смотритель дома.
— Какого дома? Того, где живешь?
— Да, и еще трех соседних.
— Не мог сразу сказать! Что, я по глазам читать должен?
Записав ответы, сержант захлопнул книгу, отодвинул ее на край стола и снова уставился на Губерта.
— Лезете сами на рожон, словно вам мало неприятностей!— Он потряс толстым, как сарделька, пальцем.— Еще раз попадешься — получишь срок. Я тебе обещаю. Ты понял?
Этот верзила не станет бросать слов на ветер. Стального цвета волосы, подстриженные «под бобрик», еще увеличивали впечатление грубой силы, создаваемое громоподобным голосом и холодными, серыми глазами. У него был такой свирепый вид, словно его смертельно обидели и он вот-вот перепрыгнет через широкий стол, набросится на маленького негра и свернет ему шею.
— Теперь проваливай отсюда!— гаркнул он.
Губерт повернулся и пошел к выходу, а вслед за ним и Джеймс Ли.
— Отец, надеюсь, теперь ты пойдешь домой.
— Конечно, куда же еще?— Губерт рассматривал свое отражение в витрине ресторана. Поправил галстук, застегнул жилет.
— Мама волнуется.
— Вечно она волнуется!— Губерт кончил приводить себя в порядок.— Знаешь, оказывается, уже нельзя сидеть на скамейке в парке.
— А то ты раньше этого не знал!
Губерт переменил тему:
— Деньги есть?
— Зачем тебе?
— Нужно, стало быть,— отрезал Губерт.— Одолжи пять долларов до получки.
Джеймс Ли растерялся. Он знал, что отец не любит просить у него взаймы. «Так и быть, одолжу,— решил Джеймс Ли,— а то не отвяжется». Но тут он подумал, что отец наверняка спустит деньги в тотализаторе. Эта порочная слабость возмущала Джеймса Ли. Он считал, что букмекеры паразитируют на невежестве масс. Сам он мог иногда сыграть в кости или покер, но не рискнет и медяком на скачках. Кроме того, о какой получке может идти речь, когда уже несколько лет деньги за отца получает Гертруда. Иначе она бы не видела ни цента.
Джеймс Ли вынул из кармана пригоршню серебра.
— Вот тебе пятьдесят центов на дорогу, а больше у меня нет.
Джеймс Ли справился с первым порывом, когда едва не выхватил из кармана одну из двух оставшихся пятидолларовых бумажек. Деньги счет любят, он не может швырять их на ветер. Тем более что ему придется раскошелиться Эсси на подарок. За какие грехи ему достался такой отец, псих несчастный!
Губерт, не проронив ни слова, повернулся и пошел к станции метро на Восьмой авеню. Несмотря на галстук и жилет, вид у него был жалкий. Джеймс Ли опустил монетки в карман. Зря Губерт надеется, что сын бросится за ним вдогонку. Нужно только позвонить маме и сказать, что отец нашелся.
Он чувствовал, как белье прилипает к телу. Принять бы ванну, переодеться, но уже поздно, надо бежать в гараж, а не то диспетчер отдаст кому-нибудь его машину. Джеймс Ли не такой богач, чтобы лишаться дневного заработка. Потом, выехав на линию, он заедет к Эсси. На углу он прыгнул в подоспевший автобус.

Перевел с английского
В. РАМЗЕС.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВА

Нашу литературу постигла тяжелая утрата. Скончался известный советский прозаик, страстный публицист, литератор высокопартийного долга, человек большого гражданского темперамента Аркадий Николаевич Васильев.
Вся жизнь А. Н. Васильева — рабочего, затем краснофлотца, чекиста, талантливого литератора — была полностью отдана революции, Коммунистической партии, родному народу. В творчестве писателя, столь разнообразном и ярком, образ коммуниста, пафос революционной героики и советского патриотизма были определяющими. Достаточно вспомнить такие известные произведения Аркадия Васильева, как романы и повести «Есть такая партия», «Смело, товарищи, в ногу», «Юность полководца», чтобы представить подлинный вклад его в советскую историко-революционную литературу.
Такие книги писателя, как «Вопросов больше нет...», «Понедельник — день тяжелый», заключающие в себе едкий сатирический заряд, бичующие все, что мешает нам жить, наряду с многочисленными очерками, публицистическими выступлениями говорят о жанровой многогранности таланта Аркадия Васильева.
Последняя крупная его работа — роман «В час дня, ваше превосходительство» — раскрыла перед нами малоизвестные, волнующие страницы Великой Отечественной войны. Роман этот сразу же после публикации стал в ряд любимейших современных книг.
Память о писателе-коммунисте, организаторе литературных сил, замечательные книги Аркадия Николаевича Васильева останутся в благодарной памяти многочисленных его читателей.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

Еще одна раковина в коллекции Феликсаса.

СО ВСЕХ МОРЕЙ И ОКЕАНОВ

Воздух в Клайпеде пахнет морем и медуницей, травой неприкосновенной в этих местах. А на Манто, главной улице города, почти каждый прохожий мужчина — моряк. Здесь в небольшом двухэтажном особнячке расположился морской музей.

Миниатюрные крейсеры, торговые танкеры, рыболовецкие траулеры и рыбацкие шхуны — маленькая история большого порта на берегу Балтики. Скрипучая деревянная лестница ведет на второй этаж. Верхний зал уже с порога поражает великолепием и необыкновенной красотой выставленных здесь экспонатов.

За стеклянными витринами «Черный аболон» — иссиня-черная снаружи и переливающаяся разноцветьем перламутра внутри тарелка диаметром пятнадцать сантиметров. Эта раковина считается одной из красивейших в мире. Калифорнийские индейцы используют их для украшения ножей. А мясо этого моллюска употребляют для заживления ран.

Рядом блестящие пестро-коричневые каурии. Их называют еще фарфоровыми, настолько они похожи на первоклассный майсенский фарфор. Белоснежная гигантская тридактна — представительница самых крупных раковин в мире. Ее моллюск своими упругими створками может намертво защемить ногу неосторожного пловца.

Всего в экспозиции музея около ста раковин. А в коллекции лоцмана Клайпедского торгового порта Феликсаса Римкевичуса в семь раз больше.

— Разные бывают коллекционеры. Одни собирают марки, другие — монеты, спичечные этикетки. У них есть свои клубы. А вот общества конхологов в нашей стране, к сожалению, нет,— рассказывает Ф. Римкевичус.— Хотя собирателей раковин с каждым годом становится больше.

Свою первую раковину Феликсас еще школьником привез с Черноморского побережья, куда его класс ездил на каникулы. Потом выпускник Радвилишкской средней школы стал курсантом мореходного училища и отправился с рыбаками в Северную Атлантику. За годы плавания у штурмана Римкевичуса набралось немало разнообразных «домиков» морских моллюсков. В 1965 году Феликсас стал лоцманом Клайпедского торгового порта.

Однажды, закончив работу на французском судне «Роза», Феликсас разговорился с капитаном. Беседа затянулась, а на прощание капитан поинтересовался:

— Может быть, вы коллекционируете значки, марки или морские книги?

— Нет. Я собираю морские раковины.

На берег Феликсас сошел с двумя раковинами из семейства «Хризантемы». Слух о необычном увлечении клайпедского лоцмана прошел среди моряков иностранных судов. И каждый из капитанов, прослышав об этом, считал своим долгом порадовать советского лоцмана редким подарком.

— Каждая раковина моей коллекции связана с какой-либо историей,— рассказывает Ф. Римкевичус.— Вот эта розоватая игольчатая раковина со следами ржавчины на одной из створок снята с борта затонувшего небольшого французского суденышка «Жанетта». Двадцать лет спустя капитан его случайно присутствовал при поднятии судна со дна океана у берегов Венесуэлы. Он сосколил ножом три самые красивые раковины, одну из которых и подарил мне.

Как-то знакомый моряк пополнил мое собрание раковиной, похожей на кружку. Добыть ее не просто: она обитает только на большой глубине. У нас гостей встречают хлебом-солью, а в Чили почетному гостю вручают такую раковину с национальной красочной лентой.

Есть раковины, за которыми люди охотятся многие столетия. Среди них — «Слава моря». Длина ее всего двенадцать сантиметров. Но она так красива и редка, что стоит больших денег. Пока добыто всего 25 раковин. За последний экземпляр Национальный музей Калифорнии заплатил 1 200 долларов.

В моей коллекции есть австралийская раковина, очень похожая на «Славу моря». Мне прислала ее из Австралии моя знакомая, которой я тоже часто посылаю подарки. Она коллекционирует кукол.

Есть в доме клайпедского капитана и другие реликвии. Например, небольшой флажок с западногерманского судна «Хорн балтик». История его тоже интересна.

Было это лет пять назад. Феликсас как раз дежурил. Часа в три ночи начался сильнейший ураган. Вода поднялась на два метра, ветер играючи разбрасывал пятитонные плиты, лежавшие на пирсе. Суда срочно надо было отводить на рейд. Не хватало буксиров, людей. В лоцманской то и дело раздавались сигналы о помощи. Запросил подмогу и теплоход из ФРГ. Туда отправился Феликсас. Швартовы были порваны, судно раскачивалось. Вот-вот ударится о причал и расколется пополам. В распоряжении старшего лоцмана Римкевичуса всего один буксир вместо двух положенных в такой сложной ситуации. Они с капитаном приняли рискованное решение — вопреки всем морским инструкциям отходить от причала с одним буксиром. Пройдя всего в полуметре от портового крана и чуть не сбив его в воду, судно в конце концов благополучно отошло на внутренний рейд, отдав пять смычек якорной цепи. В память об этой бурной ночи и в знак верной морской дружбы капитан Брункен подарил советскому моряку флажок своей компании.

— Натерпелись мы страху и с другим небольшим судном из ФРГ, под названием «Ардея»,— продолжает свой рассказ Феликсас.— В этот день был сильный туман. Но в такую погоду нам всегда помогает наша береговая радиолокационная станция. Благодаря ей можно помочь судну, не выходя в море. Так вот, эта «Ардея» запросила нашей помощи, не указывая своих координат. Включили нашу станцию, но судна на экране не видно. Что делать? Начал по радио выводить почти наугад на глубокое место. Прошло некоторое время, и наконец замелькала яркая движущаяся точка на нашем экране. Оказалось, что судно в тумане прошло мимо Клайпедского приемного буя, отклонилось на север в сторону Гируляй и подошло к берегу на двадцать метров, едва не сев на мель. «Ардея» шла почти вслепую, следуя только нашим указаниям. А я нервничал больше, чем если бы сам вышел в море.

Но, к счастью, работа в Клайпедском торговом порту не всегда бывает такой напряженной. Выпадают порой и веселые минуты. То груз прибыл для наших зоопарков: антилопы, леопарды, змеи, крокодилы, запечатанные в ящики, словно бананы. Много возни и смеха было с выгрузкой слонов. Как известно, слоны не приспособлены для ходьбы по узкому трапу, так что пришлось переправлять этот «нестандартный груз» с помощью подъемных кранов.

Много переполоха наделал самый, казалось бы, невинный груз с Кубы — сахарный сырец. Отправить его сразу почему-то не смогли и оставили под брезентом прямо на причале. А наутро в порт буквально невозможно было войти: тучи пчел и ос носились вокруг сладкого груза.

День и ночь кипит работа на пятнадцати причалах Клайпедского торгового порта. Принимают и отправляют в далекий путь самые разнообразные грузы, начиная от иголок и апельсинов и кончая стальными трубами, углем и нефтепродуктами. И каждое судно надо встретить, проводить в порт. Немецкая, английская, польская речь слышится из динамиков радиотелефонов на лоцманской станции. Получил очередное задание и Феликсас. У причала ждет его капитан Витаутас Дварионис. Проходит несколько минут, и небольшой катер с крупными буквами на борту «Pilots» (лоцманы) устремляется в открытое море навстречу танкеру «Вентспилс», прибывшему за очередным грузом нефтепродуктов для Швеции.

В. МОРОЗОВА

Фото А. Кендзерского.

«Австралийский трубач» — неофициальный рекордсмен мира. Длина этой раковины — 65 сантиметров.

С О

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

В многоэтажном доме с прохладным вестибюлем и автоматическими лифтами (построенном после землетрясения, как и многие дома в районах Ташкента) живут музыканты, художники, артисты — все, кто представляет искусство Советского Узбекистана... Это удобно. Навестив известную певицу, поднимаешься этажом выше к ее соседу, художнику, или к прославленному драматургу, к знаменитой танцовщице... Нажать кнопку звонка, войти: «Здравствуйте!.. Здесь живет Тамара Ханум?..»

Представлять ее особо не надо. Даже в справочном бюро, где девушки всегда так строго требуют четко сформулированных вопросов,— даже там без промедления дают ее адрес и телефон. Так доходят к ней и письма: «Ташкент, Тамаре Ханум...» Каждый день — десятки, сотни писем... Биография ее тоже достаточно известна. Родилась в семье рабочего, в пристанционном поселке Горчаково, недалеко от Ферганы, куда отец был выслан после бакинских революционных событий. Родина актрисы—Узбекистан, родной язык — узбекский; вся ее жизнь посвящена созданию нового узбекского советского искусства.

Тамара Ханум создала оригинальный жанр песенно-танцевальной миниатюры: в ее репертуар входят песни и танцы почти всех народностей Советского Союза, а также народов многих зарубежных стран. В каждой сценке, исполняемой Тамарой Ханум, есть свой сюжетный стержень, живой характер той или иной героини, более того, характер ее народа, национальные особенности, обычаи, темперамент, оригинальная манера речи. Одновременно Тамара Ханум создает и типический, индивидуальный образ человека, всегда обаятельный и убеждающий.

Программы ее концертов обычно строятся на контрастном сопоставлении таких именно образов. Вот шуточная польская песня «Матвейка» и сразу после нее армянская, нежная «Песня любви».

Мгновенное перевоплощение актрисы поразительно. Восхищаешься не только ее удивительным артистизмом, эмоциональной гибкостью, но и молниеносной быстротою, с какой успевает она сменить костюм. Еще не успели смолкнуть аплодисменты, а Тамара Ханум, выступавшая с песней японки, уже поет таджикскую песню...

Костюмы Тамары Ханум — это тема самостоятельного разговора. Многие из них недаром же считаются музейной редкостью и даже экспонируются на международных выставках. Когда-то актрисе приходилось жертвовать самым необходимым, чтобы найти и сохранить старинные украшения, ткани, вышивки,— не дать исчезнуть уникальным творениям народных мастеров, спасти то, что могло погибнуть. Эти костюмы — необходимая часть создаваемых Тамарой Ханум образов. Каждая деталь — длинный, как крыло, рукав, или жесткая, сплошь затканная золотом, парчовая жилетка — все определяет внутренний настрой актрисы, подсказывает ей нужную мысль, интересную ассоциацию.

Костюмы висят на длинном металлическом пруте, от начала коридора через всю комнату, насквозь; это придает современной квартире вид театральной костюмерной,— сходство тем более велико, что в углу стоит еще и гора чемоданов. А что делать?!. Ведь всякое концертное выступление Тамары Ханум — это десятки номеров, и каждый с переодеванием. Значит, на гастроли приходится отправляться с такой вот грудой багажа. А гастролей и сейчас много. За последние два года Тамара Ханум дала более двухсот сольных выступлений в городах республики и за ее пределами. И хотя возраст... Но уже через десять минут после встречи с Тамарой Ханум вы поймете, что возраст ей не помеха! Молодой смех, молодая улыбка, молодые глаза, которые и сейчас нисколько не изменились. А может, не изменился взгляд? Поскольку ведь именно взгляд — открытый, ждущий, жадный ко всему новому, современному,— такой вот взгляд и выдает настоящего художника, человека, артиста.

Сейчас Тамара Ханум работает балетмейстером в танцевальном ансамбле «Лязги». Она спешит туда на репетицию. В чемоданчике, раскрытом на низкой тахте, лежит расшитое национальным узором платье, серебристые туфельки... Тамара Ханум их наденет, когда будет показывать молодым участницам ансамбля то, чему им еще предстоит научиться.

Главное, чему хотела бы научить своих юных танцовщиц Тамара Ханум,— это мужественность, храбрость ее собственного поколения.

Трудно сейчас представить, что значило организовать профессиональный театр на земле, где шариат запрещал, объявлял греховными музыку, пение, танцы. Какой же сложный перелом должен был произойти в сознании людей, чтобы оценить подвиг женщин-актрис, нарушивших вековые запреты! И все равно они подчас расплачивались жизнью... За пе-

Выступает Тамара Ханум.
Фото Г. Плюхина.

С Е Д И

ние, за танец многие погибли... Нурхон, талантливая актриса из ансамбля Кари-Якубова. Поэт, революционер, драматург Хамза, именем которого впоследствии был назван театр. Актриса Турсуной, убитая в 1927 году фанатиком-мусульманином...

На место Турсуной в театр пришла совсем еще юная Халима Насырова, первая в Узбекистане народная артистка СССР, одна из создательниц национальной узбекской оперы. А в то время Халиме исполнилось только пятнадцать лет, и на просьбу о принятии в Государственную образцовую передвижную драматическую труппу ей ответили: «Гарантировать вашу безопасность не можем».

Никто не гарантировал безопасность и Тамаре Ханум, когда она выступала в 1919 году на саиле — народном празднике — вместе с певцом-поэтом Юсупом-кызыком. Она пела песни Хамзы и танцевала, слыша проклятия и похвалы... Танцевала, пока не поднялась стрельба, пока не нагрянула банда басмачей атамана Мадаминбека...

Бывают в жизни такие удивительные случайности: Тамару Ханум, танцующую на площади, увидела маленькая девочка Халима, воспитанница Кокандского детского дома. И пока Тамара Ханум спасалась от преследования по узким улочкам, девочка Халима вспоминала только что увиденный танец, звучание домбры и сурная. И, наверное, это предрешило ее дальнейшую судьбу.

Кто раньше слышал пение узбекских женщин? Кто видел их танцующими? Только закрыв все ставни и двери, чтобы никто не смог услышать, осмеливалась женщина запеть. Но можно ли было назвать это песней?..

Однажды маленькая Халима, спрятавшись в ичкари, услышала, как поет старшая сестра. То была не песня—рыдание. Такое отчаянное, скорбное, что Халима не выдержала, бросилась к сестре... Но сестра посмотрела на Халиму темными, ненавидящими глазами. В ней жил только страх перед наказанием.

По мусульманским законам профессия актера считалась позорной. Артистов изгоняли, преследовали. Но все же у народа были свои певцы, музыканты, аскиябазы — острословы. Они бродили от кишлака к кишлаку, от чайханы к чайхане, исполняли свои «яллы» и «ляпары» — частушки. Народ, несмотря на запреты, с радостью встречал их. Музыка, танец, драматическое действо — вот в таком синтезе рождалось искусство народных узбекских мастеров.

Театр имени Хамзы, где играла Халима Насырова, продолжил традиции старинного узбекского искусства. Здесь были созданы талантливые музыкальные постановки: «Аршин мал Алан», «Фархад и Ширин», «Тахир и Зухра»... Пение было лишь дополнением к драматургической основе, но Халима Насырова, исполняющая в этих спектаклях главные роли, старалась соединить драматический стержень роли с вокалом... Позднее Халима стала думать о Московской консерватории.

Для исполнителей узбекских народных песен всегда характерна некоторая гортанность звука, скованность и дыхания и движения. Решение Халимы Насыровой учиться в консерватории, учиться, начиная с азов, многим показалось рискованным. Не утратит ли своеобразия пение Халимы, не испортит ли она свой, от природы полученный великолепный певческий дар? И можно ли смешивать народные узбекские певческие традиции с иной, европейской манерой исполнения?..

Приезд Халимы в Москву решал не только ее личную судьбу. Главной своей задачей Халима считала организацию оперной узбекской студии при Московской консерватории. Ведь чтобы создать в Узбекистане настоящий оперный театр, надо было иметь целый коллектив специально обученных певцов-артистов. И вот целый год, занимаясь с А. В. Неждановой, с Н. С. Головановым, бегая на спектакли в МХАТ, в Большой и Малый театры, Халима регулярно являлась в постпредство, в Наркомпрос — всюду, где могли помочь. Она настаивала, уговаривала, торопила, пока наконец не была открыта узбекская оперная студия при Московской государственной консерватории.

А в 1937 году на Декаде узбекского искусства в Москве состоялись премьеры двух спектаклей — «Фархад и Ширин» и «Гульсары». Оба произведения определили развитие нового оперного искусства в Узбекистане.

В Средней Азии не было нотной письменности. Народный мелос передавался из поколения в поколение только устно. Пение же всегда велось унисонно, что тоже пришлось учитывать при оркестровке «Фархад и Ширин». В целом же, несмотря на все сложности, композиторам Р. М. Глиэру и В. А. Успенскому удалось сохранить интонационные, ритмические и ладовые особенности узбекского музыкального искусства. Обрабатывая для симфонического оркестра национальные мелодии, записанные композитором Т. Садыковым, Р. М. Глиэр ввел в музыкальную ткань произведения звучание национальных узбекских инструментов.

В спектаклях «Фархад и Ширин» и «Гульсары» заглавные роли исполняла Халима Насырова. Она жила на сцене, как нежная, печальная Ширин, как отважная Гульсары... Она пела, и никто уже не думал, каковы «вокальные приемы» певицы, соответствует ли манера ее исполнения манере привычной, традиционной... И когда Халима выходила на сцену Большого театра, слыша рукоплескания, овации, это была не только ее личная победа. Ее талантом, ее пением всегда восхищались слушатели, в исполнении узбекских национальных песен никто не мог сравниться с Халимой! Но, заслужив признание, славу, она подвергла себя новому испытанию и снова победила.

Тысячелетиями узбекский народ пел свои песни тихо, вполголоса, со страхом перед наказанием. И вот впервые на сцене Большого театра молодая узбекская женщина с открытым, счастливым лицом пела щедро, смело и прекрасно пела, зная, что искусству ее народа отныне предстоит счастливый, долгий путь, что и все будущие узбекские певицы вот так же открыто выйдут на сцены театров мира и будут улыбаться, отвечая на овации слушателей...

...В многоэтажном доме, построенном после землетрясения, совсем близко друг от друга живут теперь две выдающиеся актрисы: Халима Насырова и Тамара Ханум.

Первая их встреча произошла очень давно, на площади в Коканде: танцующая девушка и девочка, глядящая на нее... Сколько раз могли они погибнуть... Сколько раз они пели и танцевали, зная, что расплатой за искусство может оказаться жизнь...

Теперь они соседи.

Халима Насырова поет перед строителями Большого Ферганского канала. 1939 год. **Фото М. Альперта.**

М М

МОСКВА И МОСКВИЧИ

1. В моем Моссовете

2. Окно в широкий мир

3. Проспект Маркса и его соседи

4. Крыши

* Огромны масштабы московского строительства. Сейчас за счет сокращения аппарата Главмосстроя и административно-управленческого персонала организаций и предприятий Исполкома Моссовета создано Главное управление по промышленному строительству — Главмоспромстрой, двенадцатый главк в системе Исполкома Моссовета. Он станет генеральным подрядчиком по строительству и реконструкции промышленных предприятий, проектно-изыскательских, конструкторских и научно-исследовательских организаций, высших и средних специальных учебных заведений, административных и общественных зданий и сооружений.

* Летом и осенью многие сотни автомашин и железнодорожных составов приходят в город со свежими овощами, фруктами, картофелем. Для точного учета поступающей продукции, наиболее целесообразного размещения ее по районным плодоовощным базам и конторам при управлении «Мосгорплодоовощ» создается информационно-вычислительный центр. Здесь будут вести автоматизированный учет реализации картофеля, плодов и овощей, контролировать выполнение договоров на их поставки, следить за сохранностью и состоянием запасов в хранилищах и на складах.

* В ближайшие годы парк культуры и отдыха «Сокольники» станет еще более живописным и удобным. Здесь высадят множество деревьев, различные сорта кустарников и цветов. Изменится облик Майского, Лебяжьего, Золотого, Собачьего и Оленьего прудов. В парке построят шахматно-шашечный павильон. К услугам тех, кто хочет почитать, будет новая библиотека-читальня. Парк получит лодочную станцию и пляж.

Позвонила Игорю Георгиевичу Михайлусенко и пришла к нему. Он попросил немного подождать, предложил посмотреть свою библиотеку. Беру книгу — Мартин Андерсен-Нексе. Автограф автора, письмо. Небольшой сборник стихотворений Н. Тихонова. И тоже автограф, письма. Целую полку занимают книги Назыма Хикмета, О. Б. Лепешинской, А. Твардовского, А. Фадеева, И. Эренбурга, Х. Джонсона...

Легонько опираясь на палку, входит Игорь Георгиевич, увидев мой вопросительный взгляд, объясняет:

— Я встречался с этими людьми, много лет переписывался с ними, а теперь храню эти книги с автографами и письма...

Бережно листает письма и продолжает рассказывать:

— В десять лет я потерял ноги. Мир замкнулся, ограничился небольшой квартирой. А через несколько дней в дом пришла похоронная: погиб отец в битве за Москву. «Лучше умереть»,— думал я тогда...

Однажды Игорь познакомился с Ольгой Борисовной Лепешинской, старой большевичкой. В одном из писем к нему О. Б. Лепешинская писала: «Я прожила большую жизнь, полную борьбы за счастье человека... Я счастлива и потому, что знала Ленина, часто с ним встречалась, училась у него, как надо бороться, работать, учиться и побеждать».

Николай Тихонов написал: «Самое большое счастье для человечества — это мирное совершенствование науки, техники, искусства, литературы».

Счастье? Что мог он сделать для счастья людей?

Игорь Георгиевич показывает мне фотографии и продолжает рассказывать:

— Решил поступить в Московский педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Окончил его. Могу ли теперь приносить людям пользу? Да, могу: помогать борьбе за мир. Стали приходить ко мне письма из разных стран, окно в мир расширялось, маленькая комната вместила и жаркое солнце Монголии, и огромные поля Казахстана, и туманы Англии. Получаю много писем. Отвечаю на них...

На столе стопка листков: рукопись — статья Игоря Георгиевича о международном туризме, о его роли в укреплении дружбы между народами.

...Игорь Георгиевич вышел проводить меня. Открыл почтовый ящик, и новая пачка писем оказалась у него в руке.

О. ТИТОВА,
студентка МГУ

3

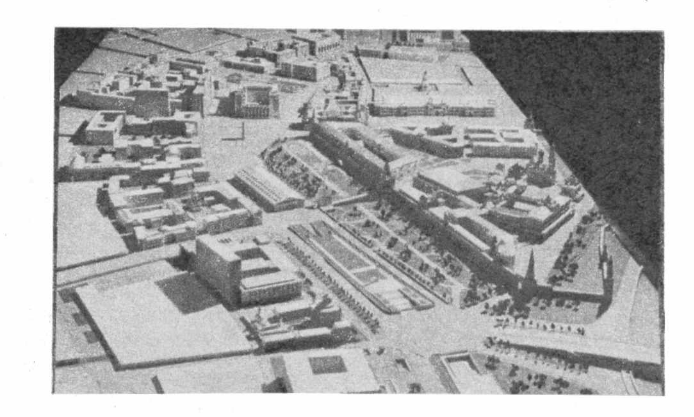
Важнейшая проблема градостроителей столицы — преобразование давно сложившихся районов. В их числе — проспект Маркса и соседствующие с ним кварталы. Это — собрание великолепных архитектурных ансамблей, представляющих огромную историческую и культурную ценность: Кремль, Большой театр, университетские здания, Манеж, Дом Пашкова... Бережно сохранить шедевры и так, чтобы они удачно сочетались с окружающей современной застройкой,— трудная задача архитекторов и инженеров мастерской № 1 «Моспроекта-2».

Заглянем в завтра. Каким станет проспект Маркса?

...Вестибюль метро площади Дзержинского окажется вписанным в группу реконструированных административных зданий. Нижние этажи их будут опираться на колонны, что значительно расширит тротуар.

...Улица 25 Октября, своеобразный историко-бытовой памятник второй половины XIX века. Немало придется потрудиться реставраторам над восстановлением Китайгородской стены, чтобы вернуть ей исторически достоверный облик. Предполагается восстановить ту часть, что выходит на площадь Революции.

...Крупные работы предстоят в районе Неглинной и Пушечной улиц. После сноса ветхих строений на базе нынешнего отеля «Берлин» представится возможность создать гостиничный комплекс, оборудованный по

4

Необычное это зрелище — крыши Москвы. Их интересно разглядывать, например, с обзорной площадки Останкинской башни. Крыши, крыши! У каждой своя геометрия, своя жизнь, своя судьба. А вот целая система крыш — Московский государственный университет.

...Поднялись к башенным часам МГУ с мастером Е. Д. Одиноковым. Внутри часового механизма тесно.

— Диаметр циферблата — девять метров,— говорит Е. Д. Одиноков,— видите, минутная стрелка движется? Значит, поступил электросигнал со станции. Точность идеальная. Все электрические часы университета подчинены простой и надежной системе контроля...

На смотровой площадке двадцать четвертого этажа рассказ продолжил начальник управления эксплуатации зданий МГУ Всеволод Иванович Иванов:

— Знаете, у каждой крыши свой характер! Видите крыши химического и физического факультетов, они окрашены в разные цвета. У химиков наверх выходят вентиляционные каналы. У физиков — антенны и прочие устройства. Даже сквер Ломоносова — своеобразная крыша. Зеленая! Под ним — вентиляционные камеры нескольких зданий. И все эти крыши требуют заботы, ухода.

Накануне праздников здесь появляются электрики, чтобы здания засияли огнями иллюминации: на крышах университета более полутора тысяч мощных прожекторов. Но и в будни, ранним утром, поднимаются сюда высотные... дворники. Например, 24-й этаж уже несколько лет убирают Кузьмины — Клавдия Николаевна и Николай Иванович. Супруги давно перестали бояться высоты. Они рассказывали нам, что на крышах находят много детских бумажных голубей — их заносят сюда вертикальные потоки воздуха. Да и снег у окон университета обычно идет... снизу вверх!

...Орлы часовой башни Киевского вокзала. Если слегка ударить по их аршинным крыльям, слышен легкий мелодичный звон. Высота башни — сорок метров. Тут уж требуются верхолазы. Необычная профессия! В трудовой книжке В. Ф. Котова и Н. И. Якунина запись: «Верхолаз вокзала». С 1942 года В. Ф. Котов работает на Киевском. Его рабочее место — стеклянная сферическая крыша, прикрывающая перрон. В годы войны, когда в залах здания размещался госпиталь, Котов дежурил на этой крыше и тушил фашистские зажигательные бомбы — ему тогда было четырнадцать лет. Верхолазы умеют и малярничать по высшему разряду. Сами настилают кровлю, вставляют стекла, а в праздники водружают на шпиль башни красный флаг.

Крыши, крыши, крыши! Все вместе они образуют оригинальную мозаику.

Лимарий СЕМЕНОВ

НА СНИМКЕ: верхолаз Виктор Котов.

последнему слову техники и рассчитанный примерно на тысячу номеров.

...Площадь Свердлова. Она известна миллионам людей во всем мире. Это обязывает проектантов быть особо внимательными, осторожными. Стилевое единство площади можно еще более подчеркнуть, если здание Центрального детского театра архитектурно породнится с Большим и Малым театрами. Так и задумано.

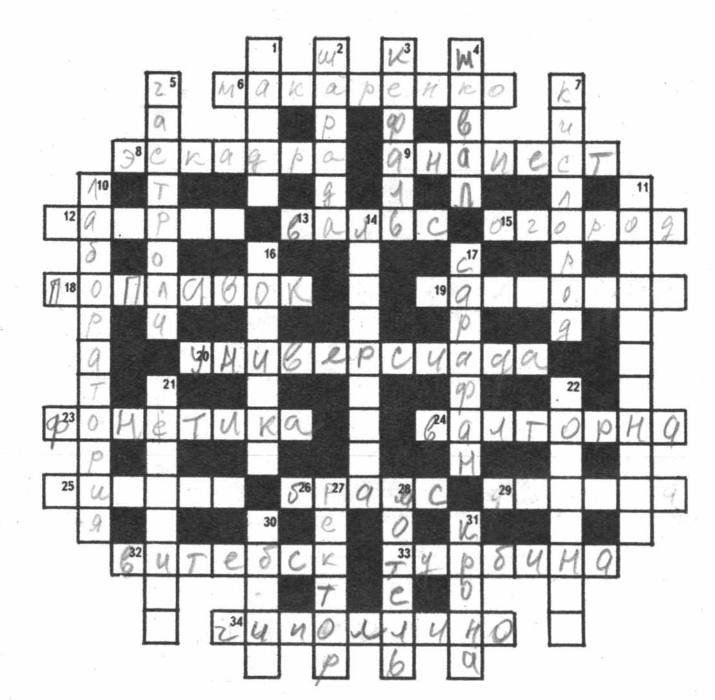
Предусматривается разуплотнение проспекта. Снос нескольких расположенных за Манежем малоэтажных домов позволит не только расширить проезжую часть, но и образовать бульвар — как бы продолжение Александровского сада,— который протянется вплоть до водного бассейна «Москва». Под новым бульваром появится стоянка автомобилей на тысячу машин, а под площадью 50-летия Октября — на триста.

На всем протяжении проспекта построят целую систему подземных переходов. А в некоторых местах — обширные подземные залы с ресторанами, кафе, торговыми киосками.

...Пока выполнена планировочная часть проекта, но на макете уже можно увидеть трассу, прорезавшую центральную часть города.

И. СМИРНОВ

Будущее проспекта Маркса. Таким оно видится в макете.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Советский педагог и писатель. 8. Крупное соединение кораблей военно-морского флота. 9. Стихотворный размер. 12. Роман О. Гончара. 13. Танец. 15. Участок земли для выращивания овощей. 18. Часть удочки. 19. Курорт в Приморском крае. 20. Всемирные студенческие игры. 23. Раздел языкознания. 24. Духовой инструмент. 25. Горный массив в Болгарии. 26. Немецкий композитор XIX века. 29. Картина В. Г. Перова. 32. Областной центр в БССР. 33. Лопастный двигатель. 34. Герой книг итальянского писателя Д. Родари.

По вертикали: 1. Озеро в Альпах. 2. Загадка. 3. Промысловая рыба. 4. Резкий, сильный порыв ветра. 5. Выступление артиста или коллектива в другом городе, стране. 7. Газ. 10. Помещение для научных исследований. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 14. Птица семейства синиц. 16. Сушеный виноград. 17. Женское платье. 21. Растение с голубыми мелкими цветками. 22. Река в Запорожской области. 27. Руководитель высшего учебного заведения. 28. Гостиница для автотуристов. 30. Очертание предмета. 31. Денежная единица некоторых стран.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 3. Платформа. 6. «Прозаседавшиеся». 9. Сабля. 11. Бурки. 13. Ларга. 15. Шекспир. 16. Баженов. 17. Литосфера. 20. Карат. 22. Основа. 23. Галета. 24. Вратарь. 26. Перила. 27. Янонис. 28. Новолазаревская. 29. Кукушкина.

По вертикали: 1. Саксаул. 2. Гравюра. 4. Аральск. 5. Остужев. 7. Балетмейстер. 8. Аксонометрия. 10. Аралсор. 12. Кислица. 14. Бабадаг. 18. Провизор. 19. Целлофан. 20. Каравайка. 21. Туркмения. 25. Туба.

НА ОБЛОЖКЕ: День за днем, этаж за этажом растет КамАЗ и город автомобилестроителей (см. в номере репортаж «Главная улица»).

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/VIII-72 г. А 00736. Подп. к печ. 29/VIII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1884. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3357.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Н. ЗЫБИНА,

Д. УХТОМСКИЙ

ПО ВОЛЕ ДРЕССИРОВЩИКА...

Очень соблазнительно изобразить профессию дрессировщика медведей как цепь событий самых романтических... Например, неожиданную встречу в тайге, когда, повинуясь гипнотическому взгляду укротителя... и т. п.

Или начать со смутных воспоминаний детства. Шершавый язык доброй медведицы...

Но что делать, если никто из цирковых «медвежатников» не может похвастаться подобной сенсацией!..

В сложном, совершенно особенном труде циркового дрессировщика главное — это терпение и упорство, доброе сердце, искренняя преданность делу и неусыпное внимание. Но, главное, твердая воля.

А она бывает очень требовательной и непростой, воля дрессировщика.

Иосиф Львович Монастырский, с тех пор как помнит себя, интересовался животными и любил их. Конечно же, родители вовсе не мечтали о «медвежьей» карьере для сына... Тогда он удрал из дома. Сначала были лошади в Волочаевском совхозе, куда он нанялся на первую в своей жизни работу. А что у 16-летнего юноши особенный глаз и твердая рука — выяснилось, когда он укротил дикую степную кобылицу.

Потом случай свел Иосифа с Лери — цирковым дрессировщиком лошадей. И, наконец, пришло время браться за дело самостоятельно. Школой Монастырскому служил опыт старших и их пример.

Четырехмесячная Таня, купленная случайно на каком-то полустанке под Ижевском, положила начало медвежьему номеру.

Сегодня у Иосифа Монастырского работают на манеже семь медведей. Конечно, не обходится без курьезов. Прекрасным артистом оказался медведь Фома. Его покладистость и быстрый ум делали его всеобщим любимцем. С новым четвероногим артистом Нилоном Фома скоро подружился, и вдруг... У Фомы родились два медвежонка. Отличной велосипедисткой оказалась Фомкина дочь Мира.

Трюки, которые делают сейчас медведи Монастырского, поразительны. На наших снимках читатели видят уникальные медвежьи номера.

1.
Зрителей еще нет, на манеже медвежий душ.

2.
Впервые в цирке. Медведь на батуте.

3.
Леша. Портрет.

4.
Пока этот трюк делали только люди...

5.
Певицу Марину вызывают на «бис».

6.
Фома — опытный мастер, она владеет двенадцатью трюками.

7.
Сложная репетиция. Идет постановка руки гитариста.

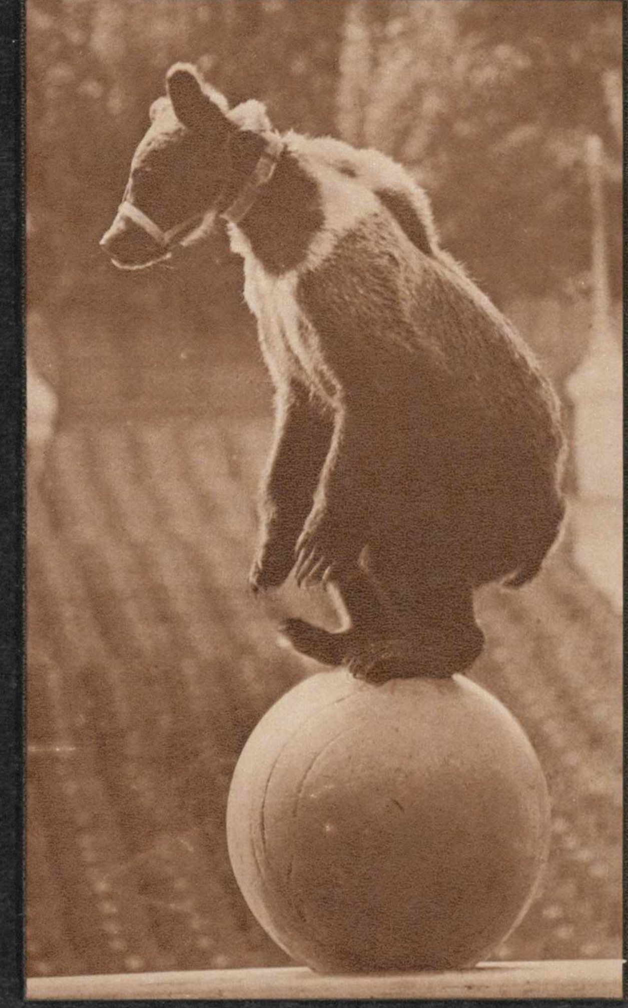
1

2

3

6

7

4

5

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663